

СВЯТОСЛАВ СЕКУНДА

ПРИОРИТЕТНОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ

Боевая фантастика (АСТ)

Святослав Секунда

Приоритетное направление

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Секунда С.

Приоритетное направление / С. Секунда — «АСТ»,
2018 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-111453-4

Лейтенант Николай Нахалов (позывной «Никель») в результате операции по зачистке территории от враждебной фауны получает биологическое заражение и вынужден принять участие в экспедиции, призванной проложить маршрут к отдаленному анклаву людей на востоке. Но не преодолев и половины пути, экспедиция сталкивается с массовым нашествием мутантов, и дальнейший путь превращается в череду нескончаемых столкновений. Однако у экспедиции есть и вторая задача, о которой не знают Никель и большинство остальных бойцов: на базе их группы испытываются и доводятся до ума новые технологии подготовки малых тактических групп, системы управления боем, боевая медицина и многое другое, что позволит людям воевать с мутантами на равных.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-111453-4

© Секунда С., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Предисловие	6
Вместо пролога	7
День второй	9
День первый	12
День первый	16
День второй	21
День третий	29
День четвертый	32
День пятый	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Святослав Секунда

Приоритетное направление

© Святослав Секунда, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Эй, кто-нибудь!
Несмотря ни на что, мы отправились в путь!
Мы держим путь в сторону солнца!

«Секрет»

Предисловие

Пятнадцать лет назад отгремела последняя война. Никто не знает, кто её начал, никто не знает, кто её закончил, но победителей не оказалось. По непонятной причине в один ничем не примечательный день практически одновременно сработали системы превентивного удара всех стран, обладающих стратегическим оружием. Кто-то винит в этом вражеских диверсантов, кто-то – хакеров, кто-то системную ошибку, а некоторые даже Божий промысел или козни Сатаны (Иблиса, Калки, Ктулху и т. п.). Ответа никто не знает и уже никогда не узнает. Естественно, все кто мог нанесли ответный удар по агрессору всем чем можно. В ход, кроме традиционного ядерного и термоядерного оружия, пошли биологическое, химическое, противоспутниковое и даже генетическое и тектоническое. А может быть, и ещё какая-нибудь экзотика, которой даже названия не успели придумать.

В результате были полностью уничтожены не только столицы наиболее развитых стран, но и целые районы, имевшие на тот момент стратегическое значение – промышленные, нефтедобывающие и прочие. Но, как ни странно, человечество выжило. Не все и даже не большая часть, но достаточно, чтобы продолжить войну. Только теперь воевали не армии и флоты, а отдельные группы выживших. За незараженную землю, за склады с продуктами, за нефтехранилища и артезианские скважины, а ещё чаще по национальным, религиозным, социальным и прочим поводам, не осознавая, что старый мир с его правилами уже умер.

В это же время произошло множество природных катаклизмов и техногенных катастроф. Нет, вопреки мрачным предсказаниям Земля не раскололась, магнитные полюса не сменили место дислокации и даже ядерной зимы не случилось. Но чёрный снег, кислотные дожди, землетрясения и ураганы достались выжившим по полной программе. Эти смутные времена унесли даже больше жизней, чем сама война, но и они закончились. И теперь остатки выживших пытаются построить новую жизнь, но, как гласит древняя пословица: «*Si vis pacem, para bellum*» – «Хочешь мира, готовься к войне».

Вместо пролога

Я трус. И ещё я предатель и труп. Причём предатель я в прошлом, труп в ближайшем будущем, а трус в настоящем, просто потому, что нельзя сказать «я был трусом» или «я стану трусом». Вот такой интересный у меня расклад.

Но, видимо, стоит начать с начала. Я лейтенант Николай Нахалов, позывной «Никель», командир четвёртого отделения второго взвода группы биологической зачистки 12-й сводной бригады. Вы, наверное, скажете: «Ни фиги себе, у них в двенадцатой группе зачистки отделениями офицеры командуют!», но все объясняется очень просто: четвёртое отделение каждого взвода отдаётся под командование молодому офицеру, проходящему стажировку. А остальными отделениями командуют нормальные сержанты. Но это просто лирическое отступление, я не знаю, кто будет читать этот дневник, хотя очень надеюсь, что кто-то будет...

А история моя началась три дня назад, когда поступило сообщение о непонятной активности в районе одного из дальних хуторов. Парень возвращался домой из другого хутора и решил слегка срезать путь. Сразу после Войны в этом месте достаточно сильно фонило, и хотя сейчас уровень излучения был почти безопасным, дорога по привычке проходила в стороне, делая весьма заметный крюк. Все нормальные хуторяне ездили себе по дороге и в ус не дули, а этот молодой то ли очень торопился, то ли просто из любопытства поехал напрямик. А прискакав на хутор, тут же бросился к рации и сообщил слегка опешившему дежурному, что «возле сухого леса, не доезжая до выпаса дядьки Костыля, ну там, где старая дорога сильно загибается, лежит здоровенный сугроб и рядом что-то шебуршится». Если бы не июль на дворе, никто бы, наверное, не обратил внимания на сообщение о сугробе, около которого что-то шебуршится. Однако такая нетипичная ситуация требовала реагирования по чётко определённым алгоритму. Алгоритм этот был рождён в результате множества ошибок, моря крови, обмена данными между разными подразделениями и соблюдался неукоснительно, потому что каждый понимал, что малейшее отклонение от процедуры чревато такими жертвами, что легче сразу застрелиться, чем потом объяснять.

Итак, нас подняли в ружьё, экипировали по «Био-2» и отправили на место разбираться. Нас – это второе и четвёртое отделения плюс группа биозащиты. Загрузились в БТРы и поехали. В принципе три БТР плюс два отделения – это уже серьёзная сила, так что никто не ожидал особых проблем. Пробежимся, постреляем, зальём все напалмом и домой. Однако все получилось совсем не так просто.

Сугроб произвёл на всех неизгладимое впечатление. Представьте себе июльский луг, с цветами, ягодами и прочей фигнёй. И вдруг посреди всего этого летнего великолепия – настоящий сугроб размером с небольшой особняк. Впечатляет? Вот и нас впечатлило. Поэтому приближались к нему очень аккуратно, не оставляя ни одной травинки без внимания. Однако сугроб, казалось, абсолютно не реагировал на наши передвижения.

Мы уже подошли к нему метров на сто – сто пятьдесят, когда это случилось. Прямо из сугроба вдруг выметнулись несколько групп (стай, волн? Просто не знаю, как эти чудовища организуются) пауков. Причём самые мелкие экземпляры были не меньше метра в высоту, и было их не менее трёх сотен. В общем-то, приходилось мне воевать против разных мутантов, и то, что я прошёл путь от рядового до сержанта и успешно закончил офицерские курсы, это подтверждает. Но, как оказалось, я боюсь пауков. Проверить это до столкновения не было никакой возможности, так как паука до этого я видел только на картинке, а картинок с пауками я не боюсь. И, увидев самого первого паука, я впал в ступор. Нет, не надолго, всего-то на пару секунд. Но этой пары секунд паукам хватило, чтобы преодолеть половину расстояния. Сержант успел крикнуть «Огонь!» в самый последний момент, ещё бы полсекунды – и было бы поздно. Его крик вывел из ступора и меня и все остальное отделение. Пауков мы покрошили

и логово выжгли напалмом, все как положено, но за те секунды, когда отделение осталось без командования, мы потеряли двух бойцов, их практически разорвали на куски, и был серьёзно ранен командир отделения, то есть я. Эти монстры не хотели погибать даже с дюжиной ранений и, уже практическидохлые, успевали дотянуться до кого-нибудь своими лапами. А на лапах у них... Короче, ужас. Как оказалось, ещё и ядовитый. Собственно, из-за этого яда я и был признан серьёзно раненным, хотя рваная рана на предплечье давно уже не считалась чем-то из ряда вон.

Поэтому сразу после операции меня увезли в госпиталь, предварительно обколов какой-то гадостью, от которой я тут же отключился. Вот так начался мой довольно странный путь, ведь путь, начинающийся с остановки, не может не быть странным, не так ли?

Проект «Торхаммер»

Наблюдатель «Зелёный»: Обнаружен кандидат. Предварительная оценка соответствия – зелёный-жёлтый. Рекомендую начать операцию. Дополнительные данные в приложениях.

Наблюдатель «Чёрный»: Предварительная оценка соответствия 2+. Противопоказаний не обнаружено. Рекомендую начать операцию.

Координатор: Операцию начать. Вариант проведения: «экспедиция». Срок подготовки – 48 часов. Наблюдателю «Ближний» быть готовым в течение 24 часов.

День второй

Очнулся я уже в госпитале со всеми положенными атрибутами: забинтованной рукой, капельницей, белым потолком и так далее. Кто хоть раз побывал в военном госпитале – тот поймёт. Не хватало только положенной по закону жанра медсестры с выдающимися формами и несносным характером. И я уже начал переживать по этому поводу, но тут вспомнил обстоятельства своего появления здесь и понял, что у меня есть гораздо более весомые причины для переживаний. По нынешним законам меня должны обвинить в «трусости» и «неисполнении или ненадлежащем исполнении служебных обязанностей, повлекшем гибель и/или тяжёлые ранения личного состава». То есть трибунал мне гарантирован и жизнь дала серьёзную трещину. Если бы я был рядовым, ограничился бы простым взысканием (типа десятка-двух нарядов вне очереди). Сержанта просто понизили бы в звании и лишили чего-нибудь типа классности или увольнительных на полгода.

С офицерами разговор совсем другой. Офицер в наше время – штучный продукт, на его обучение затрачены огромные ресурсы, которых, кстати, постоянно не хватает. И если офицер группы зачистки при виде монстра падает в обморок, как гимназистка при виде не скажу чего, значит, что-то с этим офицером неладно. Естественно, после такого случая основательно накрутят хвосты всем, кто причастен к подготовке групп зачистки, но мне лично это уже никак не поможет. Потому что офицеров для того и готовят, чтобы в неожиданной ситуации он мог мгновенно принять решение. С ожидаемыми ситуациями прекрасно справляются сержанты при помощи приказов, уставов и наставлений. Я, конечно, могу рассчитывать на некоторое снисхождение – всё-таки я ещё на стажировке и не имею даже десятка боевых выходов в качестве командира отделения, но не думаю, что это сильно облегчит мою участь. Итак, мне светит в лучшем случае разжалование до рядового, в худшем – штрафбат. Вот долечусь, а это дня три-четыре, и добро пожаловать на заседание трибунала.

Однако суровая действительность не замедлила внести свои коррективы, и ожидаемых мной трёх дней я не получил. Собственно, я даже одного и то не получил. Как раз после обеда, причём принесённого не той самой медсестричкой (ну, с формами – вы понимаете), а медбра-том весьма хмурого вида, ко мне в палату заявился капитан из контрразведки. Надо сказать, что в нашей бригаде всего четверо контрразведчиков – два капитана, старлей и сержант, так вот, ко мне пришёл не кто-то, а сам начальник контрразведки – капитан Ленин, причём это его настоящая фамилия, а с такой фамилией и позывного не надо. Я сразу понял, что дело пахнет керосином, – не станет начальник контрразведки бригады заниматься вполне банальным делом простого лейтехи, но та же самая суровая действительность в очередной раз припасла мне мешок сюрпризов.

Я не буду пересказывать весь наш тогдашний разговор, тем более что и не помню его дословно. Но суть была примерно такой. Во-первых, трибунал мне светит, во-вторых, у меня множество смягчающих обстоятельств, так что в идеале могу отделаться разжалованием в сержанты, в-третьих, все виновные в ненадлежащей подготовке офицерского состава (то есть меня) уже понесли наказание. Но самое главное осталось на десерт: я отравлен какой-то фигнёй, почему и потерял сознание от не очень серьёзной раны. Сейчас мне колют сыворотку, но запасов этой сыворотки мне хватит на полгода максимум, а больше взять её негде. А ещё – месячная доза этой сыворотки стоит как месячное же жалованье сержанта, то есть если меня разжалуют, я буду все деньги отдавать на сыворотку.

Надо признаться, что от этих новостей я впал в ступор, ничуть не легче того, что и привёл меня сюда. Вы, наверное, скажете: «Что же это за лейтенант, который постоянно впадает в ступор?», но попытайтесь поставить себя на моё место. Я, конечно, подозреваю, что существуют бойцы с железными нервами и стальными яйцами, но, к сожалению, к ним не отношусь.

Так вот, из ступора меня вывело слово «экспедиция». Тут надо сделать небольшое отступление, чтобы вы поняли причину моей реакции на это понятие. Дело в том, что экспедиции начали отправляться сразу после Войны. Вначале они просто картографировали местность вокруг расположения бригады, потом начали искать полезные предметы, оставшиеся с довоенных времён, выводить людей, прокладывать маршруты к дружественным анклавам и войсковым частям и так далее. Но основным требованием к составу экспедиции всегда оставалось то, что в неё идут только добровольцы. И каждый вернувшийся получает полное прощение, часть добычи или достаточно существенную премию. Поэтому в каждую экспедицию пытались записаться большое количество осуждённых, шрафбат в полном составе и огромное количество людей, желающих резко улучшить своё благосостояние. Брали, естественно, далеко не всех, возвращались единицы, но надежда на участие в экспедиции не угасала никогда.

Соответственно, нынешняя экспедиция намечалась на восток, где совершенно неожиданно обнаружился приличных размеров анклав, образованный на базе какой-то части. Но их положение было крайне и крайне неудачным. Во-первых, они оказались самым восточным известным поселением людей, дальше – только мутанты. Во-вторых, вокруг анклава целая коллекция аномалий, зон заражения и прочих непроходимых мест. А в-третьих, Война застала часть во время передислокации, и из всех средств связи в наличии были только радиостанции. А радио ещё лет пять или семь после Войны практически не работало. Какие-то возмущения ионосферы или что-то вроде того. Ну и, в-четвёртых, это были всего-навсего четыре батальона мотострелковой бригады и четыре танка, которые просто случайно оказались рядом. Вот такими небольшими силами они сумели закрепиться на какой-то железнодорожной станции, собрать народ и довольно успешно отбивать атаки мутантов, диких и прочей нечисти. Однако в последние годы нажим со стороны мутнов неожиданно усилился, а солярка в цистернах на станции стала заканчиваться.

Командованием было принято решение отправить усиленную манёвренную группу в некую точку, где по плану развёртывания в случае войны должны были дислоцироваться несколько бригад. Командование совершенно справедливо предполагало, что в этой точке в любом случае должны обнаружиться или выжившие, или хотя бы средства связи. И действительно, пробившись с боями до точки и потеряв половину личного состава и всю технику, группа обнаружила бункер со спутниковой системой связи (неработающей ввиду отсутствия спутников) и волоконно-оптической линией до главного штаба (тоже неработающей ввиду отсутствия этого самого главного штаба, уничтоженного спецбоеприпасом в первые же минуты Войны). Бойцы уже готовы были впасть в отчаяние, но тут кто-то вспомнил о совершенно параноидальной идее, которая начала внедряться перед самой Войной: все объекты Минобороны, расположенные на расстоянии до нескольких сотен километров, были соединены между собой закопанным в землю телефонным кабелем. А на каждом из объектов были установлены коммутационные панели типа «Алло! Смольный?» и полевые телефоны повышенной мощности. Считалось, что эта система абсолютно не подвержена воздействию ЭМИ (электромагнитный импульс), который является неотъемлемой частью атомного взрыва и гарантированно выводит из строя всю электронику.

В общем, после долгого перетыкивания штекеров им удалось-таки связаться с действующей частью, и эта часть, как вы уже, наверное, догадались, оказалась именно нашей бригадой. Соответственно командованием нашей бригады было принято решение отправить две экспедиции: первая выбрасывается с самолётов в районе бункера, зачищает плацдарм и готовит полевой аэродром для эвакуации остатков мобильной группы и дальнейшей эксплуатации бункера (похоже, разведчики нашли там не только старый полевой телефон); вторая прокладывает маршрут до нового анклава с установкой по маршруту следования автономных ретрансляторов и доставкой в анклав блока шифрования.

Тут я опять немножко отвлекусь. На тему ретрансляторов и прочего оборудования... Собственно, ретранслятор – это такой блок, с виду похожий на обычный булыжник, размером примерно с кирпич, способный передавать сигнал на десять – двадцать километров. Энергию он получает от солнца, радиации, перепада температур, химических реакций в почве и ещё из кучи разных источников, которые я просто не понимаю. В результате, эта железка может гарантированно работать лет пять-семь вообще без обслуживания, после чего или выбрасывается или отдаётся на капремонт. Разработали это чудо в каком-то из подземных убежищ, и конструкция оказалась настолько удачной, что вся местность вокруг воинских частей, убежищ и баз сталкеров теперь буквально усеяна ретрансляторами. И именно благодаря им мы имеем вполне приличную связь на значительной территории при полном отсутствии спутников. А блоки шифрования появились после того, как обнаружилось, что дикие и даже некоторые муты вполне способны пользоваться рациями и, соответственно, слушать наши переговоры.

Итак, в сухом остатке от разговора с безопасником – назначение меня командиром второй экспедиции с сохранением звания; задача для нашей команды – пройти триста – пятьсот километров с расстановкой ретрансляторов и картографированием местности и доставить блок шифрования в анклав; численность команды – 20–24 человека, время в пути – не более двух месяцев. Утром капитан обещал зайти с моим будущим заместителем и сообщить конкретный состав экспедиции. А ближе к вечеру меня обещали выпустить, после чего мы всей командой пойдём получать оружие, боеприпасы, снаряжение и прочее. И послезавтра утром выход.

И самый важный для меня бонус: в тех местах паучки, как две капли похожие на тех, что меня покусали, водятся в изобилии. Поэтому сыворотка от их укусов производится ведрами и даже входит в состав индивидуальной аптечки. Следовательно, если мне удастся дотащить свою тушку до точки назначения, меня там гарантированно вылечат. А если не удастся, то и лечение не понадобится. Вот такой стимул, мать его.

Проект «Торхаммер»

Наблюдатель «Зелёный»: Соответствие подтверждаю. Рекомендую оказать поддержку Объекта специальными средствами не ранее 7 дней от начала операции. Приведение Объекта в работоспособное состояние будет закончено в течение 24 часов. Дополнительные данные в приложениях (психопрофиль объекта и рекомендуемые параметры участников операции).

Наблюдатель «Чёрный»: Рекомендую дополнительно экипировать операцию модернизированными техсредствами и вооружением согласно особенностям предполагаемого маршрута. Список в приложении.

Координатор: Подготовить списки состава экспедиции в соответствии с рекомендациями Зеленого по варианту «Локи». Подготовить материально-техническое оснащение в соответствии с рекомендациями Зеленого и Чёрного. Наблюдателю «Ближний» приступить к работе.

День первый

Утро, как и обещалось, началось с появления капитана Ленина с незнакомым мне сержантом. Весь наш гарнизон всего-то около двух тысяч личного состава, включая штаб, группу зачистки, госпиталь и прочие службы, так что все в части, если даже не знакомы лично, то все равно хоть где-то встречались. А этого сержанта я точно не видел, потому что не запомнить его было просто невозможно: явно выраженный восточный тип встречается в наших широтах совсем не часто.

– Лейтенант Нахалов, позывной «Никель», сержант Семёнов, позывной «Якут». – Это капитан нас представил. А «Якут» только понимающе улыбнулся, мол, с позывным все просто. Я решил, что все вопросы сержанту задам потом, в более свободной обстановке. Сержант, похоже, решил то же самое.

– Итак, товарищи офицеры, вот на этой флешке все данные по маршруту, составу группы, задачам, материально-техническому обеспечению и так далее. Сейчас я отведу вас в тактический зал, вы там все посмотрите, обсудите, внесёте свои предложения. Я появлюсь в 15:00, чтобы обсудить с вами все вопросы и внести коррективы. Прошу за мной.

Тактический зал на целых пять часов – это не просто круто, это круто до невозможности. Но, как говорится, «дают – бери», и мы с сержантом потопали в ТЗ. Там я первым делом воткнул флешку в считыватель и, ожидая, пока система прочитает материал, подберёт карты и выполнит все остальные рутинные процедуры, обернулся к сержанту.

– Давайте, что ли, познакомимся, товарищ сержант. Все равно в ближайший месяц мы будем ближе, чем братья.

– Согласен, товарищ лейтенант. Вы командир, я замок. Проблем не будет, обещаю.

Не верить сержанту у меня не было причин, но мне от него нужно было больше, значительно больше. А для этого его нужно было сделать не просто заместителем, а партнёром, учителем (не надо хихикать, у сержанта, которому под сорок, всяко больше опыта, чем у молодого лейтехи) и палочкой-выручалочкой в одном флаконе.

– Во-первых, предлагаю перейти на «ты» и отставить все эти «товарищ лейтенант – товарищ сержант». Я Николай, или Никель.

– Годится. Я Иван, или Якут. Но извини, при остальных ты для меня – «товарищ лейтенант» или «командир», если в бою. Всё-таки у нас не банда, а почти воинское подразделение.

– Ага, «субординация и выслуга лет». Согласен. Слушай, а почему я тебя раньше не видел?

– Дальняя разведка. Командир группы.

Ох ты ж ё! Эти ребята месяцами шарятся неизвестно где, в ППД появляются раз в полгода за жалованьем, имеют свою базу, координаты которой знают только комбриг, начштаба и главный контрразведчик. А ещё могут жрать камень, ловить зубами пули и становиться невидимыми. По крайней мере, местные легенды звучат примерно так.

– Понятно. А теперь давай посмотрим, что же нам предстоит.

Следующие два часа мы с сержантом потратили на изучение материалов. Хотя я никогда не участвовал в экспедициях, картинка показалась мне довольно странной. По маршруту, реперным точкам, процедуре связи вопросов не было. Штаб поработал на совесть – были предусмотрены целых четыре маршрута, которые постоянно переплетались между собой. Таким образом, мы всегда могли выбрать для продвижения наиболее подходящий участок. Все места, о которых имелась хоть какая-нибудь информация, были помечены комментариями, причём часть комментов была честно обозначена как «непроверенный слух». По вооружению и материально-техническому оснащению тоже все было в ажуре, нам даже выделили одного «мула» (робот-платформа для переноски снаряжения; четыре ноги, противопульное брониро-

вание, запас хода 300–500 километров). А вот по личному составу имелись вопросы. Даже, правильнее сказать, один большущий вопрос: «Что за фигня?!»

В состав экспедиции вошли: я в качестве командира; сержант Якут в качестве заместителя; трое рядовых, подозреваемых в дезертирстве; пятеро штрафбатовцев; три каторжника; три рядовых и сержант без объяснения причин; два охотника; три молодых учёных, причём все трое – специалисты по электронике и компьютерным технологиям; один младший сержант запаса в возрасте пятидесяти двух лет. И, видимо, в качестве десерта к экспедиции «присоединились» (как звучит-то!) два сталкера. От такой солянки проняло даже невозмутимого Якута: «Да как же этим стадом можно командовать, а? Мне что, в первый же день расстрелять половину, б...дь?» После недолгого обсуждения, которое я здесь приводить не буду исключительно из-за того, что в результате правки все красивые и умные слова все равно превратятся в звёздочки и многоточия, мы решили категорически отказаться от всех кандидатур, за исключением, может быть, штрафников и сталкеров. Но, как говорится, если бы все было просто...

А напоследок я всё-таки задал сержанту самый главный вопрос:

– Извини, Иван, но должен спросить: для тебя на самом деле важен успех экспедиции? Сразу скажу, что я живу ещё ровно два месяца, после этого меня или вычечат на том конце маршрута, или похоронят по дороге. А ты?

– Знаешь, Николай, я рад, что ты задал этот вопрос. С командиром у нас все о'кей. А отвечу я тебе так: для меня этот поход важнее всего, даже если я сдохну в пути, но вы дойдёте – это будет победа. Как-то так. А подробнее расскажу на маршруте, думаю, времени будет достаточно.

Вот такая фигня. Ничего не понятно, кроме того, что на сержанта можно положиться без всяких оговорок. С такими глазами не врут. С такими глазами бросаются под танки, идут на таран и поднимают взвод в штыковую.

Капитан появился ровно в 15:00, точность – вежливость королей и артиллеристов, но, видимо, и контрразведка ей не пренебрегает. Мы с Якутом сразу на него надели и минут пятнадцать говорили, доказывали, возмущались, требовали... А он только внимательно слушал, делал пометки в блокноте и улыбался. Как только мы выдохлись и сбавили напор, Ленин перешёл к конкретике:

– Итак, я вас выслушал. Часть ваших требований вполне правильна и логична. Давайте пройдем по порядку. Во-первых, часть вводных была рассчитана на проверку уровня взаимодействия между вами. Извиняться не буду, не в песочнице куличики лепим. Соответственно, престарелый сержант и два учёных программера выбыли. Во-вторых, у бригады сейчас нет ресурсов на отправку экспедиции даже не на второстепенное направление, а просто куда-то на восток, «в сторону солнца», блин. Неожиданно активизировались дикие на юге, муты на юго-востоке и криминальный элемент внутри. Возможно, это случайность, но лучше перестраховаться. Итого, в сухом остатке: трое рядовых, подозреваемых в дезертирстве, пятеро штрафбатовцев, три каторжника, три рядовых и ефрейтор, охотник, один учёный, два сталкера. Теперь по порядку. Три дезерта – это мальчишки только после учебки, в первом же бою с дикими испугались и побежали. Комвзвода убит, сержант проворонил. Родители просили дать шанс. Ещё раз побегут – можете расстрелять. Пять штрафников: вот на этих парней можете положиться. Твёрдые профи, двое – бывшие офицеры. Отказались выполнять приказ в бою. На самом деле бой уже закончился, а приказали им уничтожить детский барак у диких. Офицера, командовавшего операцией, разжаловали. Детишек взяли к себе. Но невыполнение приказа в боевой обстановке – штрафбат без вариантов. Теперь выдалась возможность их выручить, и мы ей воспользовались. Три каторжника: у нас на них ничего нет, кроме воровства, но есть подозрение, что ребята работают на врага. Поэтому отправляем их подальше. Можете не церемониться – пусть пробуют аномалии, проверяют минные поля и так далее. Попытка побега – расстрел. Три бойца во главе с сержантом: самые странные персонажи в этой пьесе. Парни

тренированы по старым методикам в партизанской и контрпартизанской деятельности. Причём именно как боевая группа: снайпер, пулемётчик и два стрелка. Говорят, что пробивались к нам аж из-под Тагила. Мы их обнаружили, когда они вели бой с дикими и покروшили больше полсотни уродов, не получив даже царапины. А в бригаде не прижились – нет у нас задач для независимой группы. Из охотников вам оставляем одного – мужик крепкий, опытный, сержант запаса и в те края ходил. Пригодится, короче. Учёный тоже будет один. Не ботаник ни разу. Младший сержант, пять боевых выходов, мастер-стрелок и два метра ростом. Думаю, проблем не будет. И наконец, сталкеры. Сработанная пара. Напросились сами – очень им интересно это направление. Вполне адекватны и управляемы, только не надо говорить: «Товарищ сталкер, я вам приказываю...» И напоследок две хорошие новости: Народ Леса очень заинтересован в контакте и доверяет вам «семья» для передачи. А в качестве помощи – мешок всяких эликсиров. Подземники тоже заинтересованы, и пять стволов личного оружия и все стволы пулемётов будут заменены на стволы с нанопокрытием. А в бригаде нашлись два специалиста: подрывник и дрессировщик, готовых идти с вами. Здесь исправленные данные по всем членам экспедиции с учётом вооружения, навыков и всего прочего. Вам час времени, ровно в 17:00 жду вас в кабинете номер тринадцать с предложениями по составу вооружения и всему прочему.

Вот так. В принципе, от всякого балласта мы практически отбились, но за дезертирами и каторжниками придётся смотреть в оба. Пробежались по вооружению. Тут все тоже оказалось даже лучше, чем могло быть. У егерей (это те три солдата и сержант) оружие уже было модернизировано, включая даже пистолеты. У охотника была какая-то навороченная винтовка калибра 12,7 и укороченный дробовик, а у сталкеров вообще все своё, включая боеприпасы. Поэтому стволы с нанопокрытием решили отдать Якуту и четверым штрафникам (пятому – пулемёт, ещё один пулемёт – учёному: зря, что ли, в нем два метра росту). Очень хотелось заполучить такой ствол себе, но у командира всё-таки другие задачи, а когда и мне придётся вступить в бой, будет уже совершенно неважно, какой ствол в моем автомате. В общем, все согласовали, получили одобрение от капитана и разошлись. На завтра у Якута знакомство с личным составом, а у меня форсированные восстановительные процедуры под общим наркозом. А послезавтра с утра – выход. Что-то уж больно наше командование спешит, хотя это уже не моего ума дело.

Однако этот день, и так насыщенный событиями до предела, под конец преподнёс ещё один сюрприз. Сержант уже вышел из кабинета контрразведчиков, а я чуть замешкался.

– Лейтенант, задержитесь. Кроме всего того, что перечислено в приказе, вам вменяется в обязанность вести дневник экспедиции. Это не обсуждается. Форма свободная. Отправка в конце каждого дня вместе с рапортом. Шлем оборудован диктофоном с возможностью редактирования. Вопросы?

– ...

– Да ладно, лейтенант, не переживай. Просто нам нужны не только сухие данные из рапорта, но и твоя личная оценка. В экспедициях всегда так делается. А потом издашь как мемуары – денжат срубишь. Глядишь, ещё и в модные писатели переквалифицируешься. Все, свободен. Встретимся послезавтра перед выходом.

– Есть!

Вот именно поэтому я и пишу эти строчки – раз уж дневник, то с самого начала. Не думаю, что из этого получится что-нибудь читабельное – на «модного писателя» я точно не тяну, но приказ есть приказ. Все, у меня отбой и, как говорят в армии, «далее по распорядку». Жалко всё-таки, что нет у нас в госпитале фигуристых медсестричек...

Проект «Торхаммер»

Наблюдатель «Зелёный»: Готовность Объекта в течение 4 часов подтверждаю.

Наблюдатель «Чёрный»: Готовность материально-технического обеспечения подтверждаю.

Наблюдатель «Ближний»: Контакт установлен. Соответствие кандидата подтверждаю.

Координатор: Операцию начать согласно утверждённому графику.

День первый

Сегодня первый день нашей экспедиции. Собственно, это ещё даже экспедицией назвать сложно, потому что идём мы по местам, скажем так, условно контролируемым бригадой. Здесь никто не живёт, но патрули катаются достаточно регулярно и датчиков установлено столько, что только кошки и собаки могут передвигаться бесконтрольно, да и то компаниями не более трёх. Я думаю, что командование специально решило начать маршрут на более-менее знакомой территории, чтобы наша разношёрстная команда могла хоть чуть-чуть притереться. Хотя, может быть, просто решили сэкономить горючку или в головах у командиров родился ещё какой гениальный стратегический план – нам об этом докладывать не стали, а строить догадки на пустом месте... Да ещё перед самым выездом родное командование внесло очередную поправку: мула нам не дают, то ли не нашли исправного, то ли просто переиграли схему обеспечения, зато в трёх точках по маршруту нас будут ждать контейнеры с необходимой амуницией. Это мне даже больше нравится – всегда можно заранее заказать, что положить в посылку; ведь никак не угадаешь, что закончится раньше: патроны, еда, медикаменты или ещё что. Главное, чтобы не закончилась удача, её контейнером не отправишь.

В общем, высадили нас на ни чем не примечательной полянке у дороги, убедились, что личный состав, оружие и снаряжение в комплекте, покрутили для порядка башней БМП сопро-вождения, пожелали удачи и отвалили в распоряжение. А мы остались и начали собираться. Вот тут я с тоской вспомнил родной взвод. Вроде бы чего проще, каждый хватает свой рейдовый рюкзак (причём перепутать их очень сложно – на каждом есть бирка с позывным хозяина), разгрузку (большинство не стало их сразу надевать, ведь в десантном отсеке бронетранспор-тёра вполне безопасно), надевает это все на себя, подтягивает ремешки, чтобы ничего не бол-талось, автомат, шлем. Попрыгали для проверки – и вперёд. Но это только у настоящих бой-цов все так просто, тот сброд, что мне всучили, не имел не то что навыков, но, кажется, и ни малейшего представления об экипировке. Разумеется, я, Якут, егеря и пятеро штрафбатовцев даже в БТРе ехали уже в разгрузах – привычка, вбитая долгими часами тренировок и боевыми выездами. Сталкеры тоже собрались очень быстро, а вот с зеками и дезертирами пришлось повозиться. Причём у меня сложилось впечатление, что двое из дезертиров дезертировали ещё с КМБ (курс молодого бойца) или же были настолько тупы, что так и не смогли запом-нить порядок работы с солдатской амуницией, которая по умолчанию рассчитана отнюдь не на академиков. Каторжники довольно удачно компенсировали недостаток навыков наблюдатель-ностью и смекалкой, так что через 45 минут (примерно две вечности по армейским меркам) команда была готова к выдвижению. Порадовало, что штрафники сразу же грамотно располо-жились и заняли круговую оборону, а двое сталкеров выдвинулись вперёд в качестве головного дозора. Всё-таки с этими мне повезло, да и Якут показал себя очень грамотным замком, так что у меня появилась первая робкая надежда на успешное завершение экспедиции.

Итак, в 08:15 я дал команду на выдвижение. Порядок движения: двойка сталкеров – головной дозор на расстоянии 200 метров, две двойки штрафников – боковые дозоры на рас-стоянии 50 метров, от тылового дозора мы с Якутом решили пока отказаться, осмотримся, поймём, кто чего стоит, тогда и перераспределим обязанности. А пока все остальные идут в колонну по двое, ну или вроде того. Сержант периодически подгоняет отстающих, но обхо-дится даже без подзатыльников, одним крепким матом. Кстати, всегда удивлялся железобе-тонным нервам сержантов – там, где обычный человек уже давно бы сорвался, сержант про-сто слегка скривится, типа «ну дерьмо и дерьмо, дерьмовее видали». Вот и сейчас, я бы этого постоянно отстающего дезерта уже давно пристрелил, а Якут только высказался по поводу нестандартных сексуальных предпочтений «толстожопых гориллоидов»...

Честно говоря, я думал, что весь этот день пройдёт в передвижении, подтягивании отстающих, проверке дозоров и прочей рутине, называемой в уставах «подразделение на марше». Во всяком случае, о потерях в первый же день я точно не думал, а уж о таких катастрофических... Началось все с того, что после обеденного привала обнаружилось исчезновение двух дезертиров, одним из которых вполне ожидаемо оказался тот самый «толстожопый гориллоид». Причём эти сволочи, зная, что в стандартный пехотный шлем встроены кроме систем связи, целеуказания и прочего, ещё и датчики, показывающие состояние и местоположение бойца, просто оставили шлемы под кустом и тихонько смылись. Правда, они не знали, что такие же датчики встроены в оружие и рюкзаки, хотя рюкзаки они тоже просто бросили – то ли поленились тащить, то ли побоялись потрошить. Пришлось мне переключаться на вторичный канал слежения. Собственно, мы с сержантом и не заметили исчезновения по той причине, что положение бойцов отслеживается в командирских шлемах в автоматическом режиме, а для отслеживания оружия и снаряжения нужно переключиться на дополнительный канал. Обнаружились беглецы почти в километре от нашей стоянки – резво бегущими (судя по скорости передвижения) в обратную сторону. Очень не хотелось пускаться в погоню, мы и так прошли едва четверть от предполагаемого на этот день расстояния, а ведь идём ещё по своей территории. Подумав, я связался с дежурным по части и попросил дать частоту восточного патруля.

– Восток – Страннику. Приём.

– Восток-один на связи. Приём.

– Восток-один, здесь Странник-один. От меня на юго-запад движется группа из двух дезертиров, а догонять очень не хочется. Сможешь перехватить? Готов передать данные. Приём.

– Восток-один данные принял. Приём.

– Уточняю. Оба вооружены автоматами, гранат нет. Опыт минимальный, особых навыков не замечено. Напуганы. Пеленг только на оружие по вторичному каналу. Приём.

– Принято. Разберёмся. Конец связи.

– Удачи. Конец связи.

Вот так. Меньше минуты переговоров – и проблема решена. Как всё-таки хорошо, когда есть связь и поддержка, но эта лафа закончится уже завтра. То есть связь, конечно, останется, не зря же мы тащим с собой ретрансляторы, но о поддержке придётся забыть – кавалерии из-за холма уже не будет. А ведь ещё лет пять назад о таком даже мечтать не решались – связь работала от силы на пару километров, а патрули не катались как по проспекту, одуревая от скуки, а редко возвращались без потерь и практически никогда без раненых.

Кстати, заметил интересную закономерность: если в армии что-то прижилось, то оно будет только улучшаться, модернизироваться, усложняться, но ни в коем случае не изменяться. Наглядный пример – наша радиосвязь. Сперва долго-долго до военных просто не доходило, зачем же связь каждому бойцу. Дошло. Внедрили. Теперь каждый шлем оборудован рацией, которую при необходимости легко оттуда вытащить и носить без шлема и бронекомбинезона. Вроде бы все хорошо, но зачем, скажите на милость, мы до сих пор талдычим эти «Приём» и «Конец связи»? При современных технологиях нет никакой разницы ни в стоимости производства, ни в сложности эксплуатации между симплексной и обычной телефонной связью. Наверное, пройдет ещё лет сто, прежде чем случится очередная революция в мозгах и бойцы наконец смогут разговаривать как нормальные люди. Но это все так, лирическое отступление, а для связи главное надёжность, мелкие неудобства не в счёт.

Решив проблему с дезертирами, мы отправились дальше, но на всякий случай я приказал одному из штрафников отслеживать положение оружия на вторичном канале. Все-таки эти два придурка были не единственными ненадёжными членами экспедиции.

Ближе к вечеру моя разношёрстная команда (так и подмывает назвать бандой) более или менее втянулась в ритм и сержанту уже не приходилось постоянно подгонять отстающих. За

час до заката я отдал приказ сталкерам, идущим в передовом дозоре, искать место для привала. Может быть, через день-два мои бойцы и смогут двигаться по ночам, но сегодня это будет для них явно непосильной задачей. Место нашлось быстро – это был небольшой овражек, вытянувшийся с востока на запад. На склонах нашлось несколько валунов вполне приличного размера и десятков деревьев, что позволяло устроить достаточно эффективную охрану лагеря. Сталкеры доложили, что аномалий, следов заражения и прочей гадости в овраге и прилегающих окрестностях нет, а на северном склоне даже есть небольшой родник с чистой водой. Посоветовавшись с Якутом, я решил, что место идеально подходит для первой ночёвки, и отдал приказ разбивать лагерь.

Две пары штрафников пошли готовить места для часовых. Сталкеров я отправил разведать ближайшие подступы к лагерю и установить сигнальные мины, остальной личный состав под руководством сержанта нацелил на разбивку лагеря и приготовление еды, а сам приготовился писать рапорт командованию с отчётом за первый день экспедиции, но мои планы были грубо нарушены появлением двух каторжников. И, судя по их лицам, пришли они ко мне явно не с хорошими новостями. Якут, у которого, похоже, и на затылке есть глаза, тут же оказался у меня за левым плечом и, я уверен, с рукой на кобуре. Однако наши собеседники всем своим видом демонстрировали отсутствие каких-либо недружелюбных намерений: оружие они аккуратно сложили на рюкзаки шагах в пяти от меня и подошли уже с демонстративно пустыми руками.

– Слышь, начальник, поговорить бы надо.

– Я не начальник, а командир, но я вас слушаю.

– Короче, мы тут с корешом подумали – не осилим мы этот поход. Прошли всего ничего, а я уже половину лёгких выхаркал. В общем, хотим мы вдвоём отвалить, но без кипеша. Не нужны нам напряги, да и тебе тоже, я думаю. Оставь нам оружие и жратвы на пару дней, и мы тихо свалим. Как тебе такой расклад?

Собственно, от этих двоих я ждал побега с самого начала. Не знаю, кто и за какие заслуги отправил их в экспедицию, но сразу было видно, что дорогу им не осилить. Тощие, не жилистые, а именно худые, причём один с кашлем как у туберкулёзника, они были первыми кандидатами на выбывание, хотя я и надеялся, что какую-нибудь пользу экспедиции успеют принести. Не сложилось. И теперь у меня два варианта: пристрелить их на месте или отпустить без оружия и снаряжения, и второй для них ничем не лучше первого. Выжить без оружия в этих краях почти нереально. Сержант возвышался у меня за плечом безмолвно и недвижимо как скала, давая понять, что решение принимать именно мне, но в его поддержке можно не сомневаться.

– Значит, так. Вы можете уйти, оставив оружие и все снаряжение, кроме обуви и комбеза. Я дам вам пять минут, после чего доложу в штаб.

– Блин, начальник, как же мы без стволов? – Кажется, поняли, чем им это грозит.

– Оружие вам не поможет, оно уже заблокировано. И в нём, и в снаряге установлены маячки, так что от этого все равно придётся избавляться. Про форму не знаю – тут думайте сами.

– Ладно, начальник, может быть, ты горбатого лепишь, но выбора у нас нет. Мы уходим. Лучше уж сдохнуть в бегах, чем загнуться как ишак перегруженный. Не в масть ворам барахло за сотни вёрст на горбу переть, а так хоть на воле погуляем. Бывай, начальник.

– Ваш выбор. Бегите, время пошло.

Вот так в первый же день наша экспедиция потеряла двадцать процентов личного состава. Без единого выстрела, даже без контакта с противником или мутантами. Честно говоря, я изрядно приуныл от такой статистики, ведь при такой тенденции до конца путешествия никто не доберётся. Или доберёмся мы с сержантом. Два стойких оловянных солдатики, блин.

Не хотелось мне этого делать, но пришлось построить весь личный состав экспедиции и обратиться с краткой командирской речью, правда, несколько модифицированной под местные условия.

– Слушайте меня внимательно. Сегодняшний день был для нас крайне неудачным. Не входя в соприкосновение с противником, не встретив ни одного мута и ни одной аномалии, мы потеряли четыре человека. Двое сбежали в обед и двое вечером. Для тех, кому интересна судьба бывших товарищей, сообщаю: двое рядовых задержаны патрулём и расстреляны за дезертирство, операция по поимке двух осуждённых проходит по плану и будет закончена не позднее 05:00. Далее. Если ещё кто-то будет замечен при попытке оставить без приказа расположение лагеря и походный порядок, расстреляю на месте. Прогулка закончилась, с завтрашнего дня вступаем на территорию, не контролируемую бригадой. Со всеми вытекающими: банды, муты, аномалии и прочие походные радости. Сейчас ужин и отбой. Порядок дежурства по лагерю доведёт сержант Якут. Ещё раз напоминаю: за дезертирство, невыполнение приказов, сон на посту и т. д. – расстрел. Все. Разойдись! Сержант Якут, оставайтесь.

Вот такая речуга. Не Цицерон, но вполне доходчиво, особенно для дезертиров и каторжников. Остальные вполне обошлись бы просто приказом, но это «слабое звено» стоило припугнуть. Не могу я позволить себе терять бойцов. Особенно так неэффективно и неожиданно.

Сержант пошёл распределять обязанности, а я засел за планирование завтрашнего маршрута. За всеми этими заботами время до отбоя пролетело незаметно, и, уже отправив бойцов спать, расставив и проверив посты вокруг лагеря, мы с Якутом решили быстренько пробежаться по завтрашним задачам. Но то ли ночь была хороша, как бывают хороши летние ночи, то ли чай оказался уж очень вкусным и душистым, планирование и обсуждение плавно перетекло в неспешную беседу. Парил и благоухал чай в кружках, светили звезды, из ближайшей палатки доносился приглушённый храп, и я решился задать сержанту вопрос, который не давал мне покоя с самого начала.

– Послушай, Иван, а всё-таки зачем ты идёшь в эту экспедицию? Не думаю, что тебе нужны деньги, да и вряд ли у тебя за спиной есть серьёзные косяки, короче, я просто не понимаю, на фига тебе это надо. И меня это напрягает.

– Понятно... Попробую объяснить, хотя и сам многое не понимаю, а как-то чувствую, что ли. Знаешь, мне ведь уже сорок... Хотя на здоровье я не жалуюсь, но все равно, ещё три-четыре годика, и спишут меня. Отправят куда-нибудь инструктором или вообще на пенсию. А я так не смогу. Я же воюю с восемнадцати... Как призвали в армию, ещё до Войны... Вот я и решил, что в далёком анклав, где дела не очень, всяко найдётся работа для профессионала моего уровня, и не важно, сколько ему лет. Короче, как-то так.

– А что ты тогда в штабе говорил, что даже погибнуть с пользой... Ну, ты помнишь...

– А это, командир, уже другая песня. Слишком тихо стало вокруг нашей бригады. Основные силы диких поблизости мы практически вынесли, муты доходят мелкими группами, собственно, и воевать-то уже не с кем. Прошное лето ходили на восток и на юг, так вот за все лето отстреляли хорошо если по магазину на рыло. Чувствую, скоро нас сократят. А хочется хоть что-то совершить в жизни, что ли. Не знаю, как сказать, слов не хватает. Короче, чтобы, когда попаду в Вальхаллу, Один хлопнул меня по плечу и сказал: «Братва, это тот самый Якут, который...» Ну, типа как-то так.

– Иван, извини, конечно, но ты действительно веришь в это все, ну Вальхалла там, валькирии, пир Одина?

– Как тебе сказать, лейтенант... Я точно знаю, что добрый боженька купцов и крестьян – это не моё. А старые боги викингов – это боги воинов, и, наверное, с Одним мы лучше поймём друг друга, как-то так, что ли...

– Да уж... Не знаю, что и сказать. Слушай, как ты думаешь, я не ошибся, отпустив этих каторжников? – всё-таки не давала мне покоя эта мысль.

– Думаю, ты все правильно сделал. Можно было их, конечно, расстрелять, но для нашей банды это было бы слишком круто. Да и патроны не бесконечные, – улыбнулся сержант.

– Я просто не знаю, как к этому отнестись. С одной стороны, вроде как кинули они товарищей, а с другой – выбрали свободу, не испугались.

– Испугались они, ещё как. Погибнуть быстро и на кураже просто, а вот ждать смерти каждый час... Хотя, наверное, каждый имеет право выбрать, как ему сдохнуть. И дай бог, командир, чтобы у нас тоже была такая возможность.

Вот на такой оптимистической ноте мы и закончили этот день. Прямо скажем, не особо удачный – 25 километров пути и минус четыре в личном составе. Сержант пошёл спать, а я – проверять караулы. В эту ночь решили нести дежурство вдвоём – я первую часть ночи, Якут вторую.

А на руке у меня теперь достаточно страшненький шрам, и она время от времени чешется, а может, это психосоматическое, не знаю. Посмотрим, что будет дальше.

Проект «Торхаммер»

Наблюдатель «Зелёный»: Без изменений. Мониторинг психофизического состояния Объекта проходит штатно.

Наблюдатель «Чёрный»: Все системы функционируют без сбоев. Начато накопление статистической информации.

Наблюдатель «Ближний»: На данный момент Объект особых талантов не проявил, но в критической ситуации действует чётко и уверенно. Предлагаю продолжить работу по плану «Песнь Вальхаллы».

Координатор: «Песнь Вальхаллы» подтверждаю.

День второй

Утро второго дня началось вполне обыденно: подъем, завтрак, постановка задачи. С походным порядком мы с сержантом решили особо не мудрить: в головной дозор отправили посменно сталкеров и егерей, во фланговые – штрафников, а в тыловой – охотника Михалыча, а с ним, опять же посменно, остальных бойцов. Каторжника и дезертира нагрузили дополнительными БК (боекомплект, для тех, кто не в курсе). После вчерашней убыли у нас осталась куча оружия, снаряжения и прочего. Под оружие и броники, сухпайки и остальное мы соорудили схрон, который наш сапёр заминировал, а егеря замаскировали так, что пройдёшь по нему и не заметишь. А вот патроны решили взять с собой, потому что патронов бывает или мало, или «мало, но больше не унести». Ещё в дозор не стали отправлять Малого – парень он, конечно, бывалый и вроде надёжный, но со своими двумя метрами роста и пулемётом никак не годится для скрытого передвижения.

Часа два прошли спокойно, как раз сталкеры сменились на егерей и Михалыч сменил сапёра на дрессировщика, когда у меня включилась рация:

– Никель – Голове. (Мы не стали изобретать велосипед и обозвали головной дозор «Голова», боковые – «Правый» и «Левый», а тыловой – «Хвост».)

– Никель на связи.

– Что-то неправильно впереди. Притормозите, мы выдвинемся подальше. Приём.

– Понял. Останавливаемся, ждём.

Отдал приказ боковым и тылу остановиться и внимательно наблюдать. Мы все тоже присели, причём все бойцы на одно колено и сразу разобрали секторы для наблюдения, а каторжник – на корточки, не удержал равновесие и смачно так плюхнулся на задницу. В другой ситуации был бы хороший повод посмеяться, но сейчас никто даже не улыбнулся, только Якут что-то прошипел сквозь зубы. Пятнадцать минут прошло в молчании, даже каторжник сумел как-то затихариться и не отвечивать.

– Никель – Голове.

– На связи.

– Похоже, здесь засада. На одиннадцать часов ложбинка и кусты. Три или четыре человека. Сидят тихо, но неаккуратно. Нас не видят.

– Принял, наблюдайте. Выдвигаюсь к вам, дайте незаметный маршрут.

– Двигайтесь прямо, после сухого дерева примите на два часа, будет небольшая канавка, по ней налево ползком, там встретим.

– Понял, выдвигаемся.

Я оставил за себя Якута, махнул рукой Малому, и мы отправились в сторону засады. На ходу я пытался понять, что же происходит, и картинка никак не складывалась. Места здесь почти необитаемые, поселений нет, ближайший анклав – менты, но он километрах в десяти южнее. Дорог тоже нет, да никто и не ходит нынче в одиночку. Единственные, на кого можно устраивать засаду в этом месте, – это мы. Но о том, что будет экспедиция и что мы пойдём здесь, могли знать только союзники по Коалиции, а им устраивать засады как-то не к лицу. Возможна, конечно, утечка – всё-таки экспедиция совсем не секретная. Но кто же в засаде-то? Дикие такими сложностями не заморачиваются – налетели толпой, и вся тактика, муты тоже – те, кто тупее, сюда не доходят, а кто умнее маскируются намного лучше. Короче, ничего не понятно.

За этими размышлениями мы добрались до егеря, который ждал нас в канаве. Вот это я понимаю – маскировка, я смог его разглядеть, когда до него осталось метров пять. А так кочка кочкой.

– С-ссс... – Это он, наверное, чтобы мы на него не наступили.

– Рассказывай.

– От трёх до пяти. Явно в засаде с утра. Накрылись ветками, и листья только чуть подвляли. Оружия не видно, но пулемёт или винтовку они бы не спрятали. Обнаружили их по тишине, птицы попрятались. Потом уже увидели, как один пошевелился. Не совсем лохи, но и не профи. Можем обойти с тыла так, что не заметят.

– Кто такие – есть мысли?

– Видел ботинок – похож на берцы, но не армейские, попроще. Камуфляж не разглядеть.

– Не муты?

– Точно нет, люди.

– Годится. – Уже в рацию: – Гудвин – Нику.

– Гудвин на связи, – не знаю, почему снайпер егерей пользовался экзотическим позывным «Гудвин», видимо на самом деле был волшебником.

А у меня возникла хорошая мысль, как выманить всех засадников и избежать ошибки, если она, конечно, всё-таки была.

– Гудвин, подключи винтовку к сети.

– Принял, выполняю.

– Енот (это позывной командира егерей), готовь обманку. Малый, по команде огонь в направлении на час, там большой куст, две очереди. Данные в шлеме. Всем готовность. Гудвин, я выхожу на связь, постарайся засечь всех, кто пошевелится.

Идея была простой как три рубля: выйти на связь с засадой на первом канале, посмотреть на их реакцию, если будет неправильной – валить всех нафиг.

– Начинаем. Гудвин, одного оставь для разговора. Енот, поднимаешь обманку через десять секунд после передачи. Огонь по команде.

– Принято.

Все готовы. Мы в пять стволов способны завалить не только четыре человека, а раза в два поболее. Осталось определить, стоит их валить или это какое-то недоразумение. Выхожу на связь:

– Группа неизвестных под деревом, на связь!

Ага, вижу, как дёрнулись как минимум трое. Где четвёртый, мы и так знаем. Теперь ждём, если это свои, то выйдут на связь, если не свои, то – вариант два. Минута прошла, ответа нет.

– Эй, под деревом, я выхожу. Поговорим.

Теперь своим:

– Енот, Малый, Гудвин – готовность. Енот, давай!

Кусок какой-то тряпки приподнялся метрах в двух от лёжки Енота, и тут же со стороны противника раздались две очереди. Сухо кашлянула винтовка Гудвина, прорычал пулемёт Малого, на фоне которого почти неслышно тявкнули автоматы ещё двух егерей, и все закончилось. Это я понял, уже добежав до первого трупа в полной готовности открыть огонь, если кто-то из противников остался в живых. Но нет, все чисто. Тот, который лежал за кустом, получил пулю в голову и, наверное, даже не успел сообразить, что случилось. Двое других, хоть и успели выстрелить, но тоже моментально успокоились. А вот четвёртый... Похоже, он у них самый главный. С рацией в руке, каска, броник и какой-то непонятный автомат. Боже мой, это же «Кедр»! И с кем он тут собрался воевать этой пукалкой, с лягушками, что ли? Чудны дела твои, господи! А вот отключил его Гудвин не просто мастерски, а, я бы сказал, виртуозно. Попасть по каске вскользь, так чтобы человек потерял сознание от удара, – это супер!

– Так, быстренько осматриваем трупы. Документы, жетоны, накладки и так далее. Нужно определить, что же это за робин гуды. После этого трупы в канаву. Гудвин, контроль обстановки. Мы с Малым забираем клиента. Енот, мне нужно полчаса, чтобы с ним поговорить. Оставайтесь здесь, кто-нибудь может прибежать на выстрелы.

– Принято.

Егеря остались осматривать и подчищать место боя, а мы с Малым, взвалив на себя бесчувственную тушку, отправились к основному отряду. Тушку мы, естественно, освободили от оружия, броники и прочих тяжестей. Связывать не стали – тащить неудобно.

Надо сказать, что после этого боя настроение у меня значительно улучшилось. Эту засаду мы отработали на пять с плюсом. Егеря вообще выше всяких похвал, Малой тоже отстрелялся на «отлично». Да и остальная команда, за исключением, пожалуй, каторжника, все выполнила чётко и без суеты. Похоже, у нас есть неплохой шанс дойти до конечной точки. А сейчас самое время пообщаться с нашим робин гудом, тем более что он уже начал подавать признаки жизни и мы добрались до основной части нашего отряда. Однако тут вышла небольшая заминка. В лице сержанта Якута.

– Командир, на минутку.

– Слушаю.

– Без обид, лейтенант, у тебя есть опыт проведения экспресс-допроса в полевых условиях?

– Нет, конечно. Теорию нам давали, но скорее для ознакомления. А что?

– Сейчас этот гаврик очухается, узрит перед собой молодого лейтеху и начнёт жопой вилять круче любой проститутки. И будем мы из него правду вышибать до вечера, а потом до утра разбираться, где же он наврал.

– Понятно. И что предлагаешь?

– Давай я его заберу вон в тот лесочек, и через полчаса мы будем знать все. Ну, или почти все.

– Хорошо. Действуй. Только оставь его, пожалуйста, живым и способным двигаться.

– Есть.

Да уж, чуть не лопухнулся. Действительно, как бы я его допрашивал? Опыта-то нет. Совсем никакого, всё-таки я из группы биоэкиста. Ладно, раз уж у меня есть такой дельный сержант, то пусть он занимается бандитом, а я займусь другими делами. А других дел нашлось достаточно. Объявить благодарность егерям (по рации) и Малому (парень расцвёл, как будто я ему орден вручил), приставить зека к штрафникам, чтобы объяснили действия по тревоге и потренировали падать, залегать и так далее (нечего ему валяться, как мешок с... картошкой), принять доклад от тылового дозора (все спокойно, движения не наблюдается). Пока занимался всей этой текучкой, на связь вышли егеря.

– Никель – Еноту.

– Никель на связи.

– Досмотр закончили. Три человека. Без модификаций, без видимых мутаций. Жетонов, документов, наколок нет. Камуфляж стандартный армейский старого образца, видимо с военных складов. Два автомата АК-12У, один гражданский дробовик двенадцатого калибра. Все оружие и патроны довоенные. Рации малой мощности, похожи на те, что у ментов. Ещё куча всякого барахла – ножи, зажигалки, но ничего особенного. У стрелка с дробовиком характерный шрам от когтей на левой щеке и отсутствует часть левого уха. Тушки прибрали. Приём.

– Все понял. Замаскируйтесь и наблюдайте. Нам нужно сорок – пятьдесят минут.

Вот так. Кто такие эти разбойники с большой дороги – совершенно непонятно, придётся ждать результатов допроса. А пока мне делать нечего, только присесть под деревом и наблюдать, как штрафники обучают бедного зека падать на землю, отползать, укрываться за кочками и камнями и прочим воинским премудростям. Вот за таким высокоинтеллектуальным занятием меня и застал сержант.

Как и ожидалось, допрос прошёл без сложностей и наш робин гуд моментально выложил все, что знал, о чем думал, о чем только догадывался, и даже свои собственные фантазии. А дело оказалось простым, как лопата. Среди ментов, особенно молодых, возникла идея. И идея эта была очень простой: до Войны они все контролировали, решали вопросы и с этого

неплохо имели. А сейчас охраняют пару деревенок и серьёзной силой могут считаться только в этих самых деревеньках. И решили молодые и горячие парни восстановить попорченную справедливость. У них даже программа действий была и список требований: плата за проход по их территории, причём с обязательным досмотром, охрана правопорядка на всей территории Коалиции, естественно, тоже платная, обеспечение их оружием, боеприпасами и амуницией, только уже бесплатное и т. д. Самое смешное, что катализатором этого грандиозного мыслительного процесса невольно выступили сталкеры. В каком-то из рейдов они нашли целую стопку DVD с довоенными сериалами про милицию, посмеялись и, шутки ради подарили ментам все это «культурное наследие минувшей эпохи». Те посмотрели, впечатлились. А тут ещё кто-то из старичков очень в тему вспомнил золотые времена, и понеслась... А на нашу экспедицию они нападать вовсе не собирались, а хотели пропустить мимо и неожиданно возникнуть со словами «И кто это у нас тут ходит?». После чего «досмотреть», получить плату за проход и отпустить на все четыре стороны. Но вместо толпы «умников», которые с шумом и гамом ломятся через лес, столкнулись с организованной боевой единицей и от неожиданности открыли огонь. За что и поплатились. И ещё всплыло имя главного идеолога нового движения. Младший лейтенант Сергей Крючко, по кличке «Сивый». Из бывших гаишников, и, судя по званию, не сильно умный. Был бы толковый офицер, давно бы карьеру сделал, а не ходил до старости в младших лейтенантах. Вот такой расклад. Как говорится, и смешно и грешно.

Только мы с Якутом приготовились решать, что же нам со всем этим цирком делать, как снова вышел на связь головной дозор.

– Никель, здесь Голова. У нас гости. От пяти до восьми человек. Есть снайпер. Профессионалы. Нас или засекли, или просто страхуются. Приём.

Не успел я ответить егерям, как ожила моя рация на аварийном канале.

– Группа в районе большого красного камня, назовите себя. Здесь патруль Коалиции, и мы вас видим.

– Здесь экспедиция двенадцатой бригады. Командир лейтенант Никель, – пришлось мне включаться в радиообмен.

– Хорошо. Я сержант Байков, патруль батальона милиции. Предлагаю встретиться в ста метрах на север от красного камня. Только командиры.

– Согласен, буду через пять минут.

Похоже, патруль услышал перестрелку и прибыл разобраться. Но хороши бойцы – замаскировавшихся егерей заметить ой как непросто. Вот такие контрасты. С одной стороны, олухи царя небесного, с другой – профи, каких поискать. И все это в одном анклав. Самое главное сейчас – это разойтись с этими профессионалами мирно. Конечно, правда на нашей стороне, но вдруг у них сыграет какая-нибудь фигня вроде «чувства товарищества» или «корпоративной солидарности». А вступать в бой очень не хочется, всё-таки они нам не враги, а даже союзники. Правда, робингуды тоже формально были союзниками, а вон как все повернулось.

Вот такие мысли крутились у меня в голове, пока я шёл к точке встречи. Кстати, на всякий случай я подстраховался и отправил штрафников с Малым во фланг к патрулю, строго запретив открывать огонь без приказа. А на месте меня уже ждал невысокий коренастый парень лет двадцати пяти, одетый в стандартный армейский камуфляж старого образца и вооружённый автоматом.

– Сержант Байков. – а глаза очень внимательные, как сканером прошлись.

– Лейтенант Никель.

– Товарищ лейтенант, вижу, что вы действительно армейцы. И про экспедицию тоже в курсе. Сразу приношу извинения за недоверие, но примерно час назад здесь был бой. Короткий, но с применением пулемёта. Вам об этом что-нибудь известно? – И смотрит выжидающе.

– Конечно. Вот там, – показываю рукой примерное место, – наш головной дозор обнаружил засаду из четырёх человек. На попытку связи на аварийной частоте они не отреагировали, хотя точно слышали. И без причины открыли огонь на движение. Три человека убиты, один взят в плен и допрошен. И это ваши.

Вот так. Теперь смотрим на реакцию товарища сержанта. А реакция интересная. Сержант стянул кепи и почесал затылок, после чего достал сигарету, закурил, ещё раз почесал голову и натянул кепи обратно.

– Не понимаю. Наших здесь быть не должно. Кроме моей группы и группы лейтенанта Петренко в патруль никто не ходит. А остальным просто так здесь делать нечего. Да и реакция странная, стрелять по союзникам, которые опознались по рации... Ничего не понимаю. А ваш пленный жив?

– Жив, конечно. Как раз решали, что же с ним делать.

– А как его фамилия?

– Ефрейтор Воронков.

– Б...дь! А у остальных никаких особых примет не было?

– У одного шрам от когтей и пол-уха не хватает, а остальные без особых примет.

– Твою ж мать! Извините, товарищ лейтенант, просто слов нет! Доигрались придурки! Товарищ лейтенант, я сейчас даю своим команду выходить из леса, никаких претензий мы к вам не имеем, и насчёт всякой самостоятельности с нашей стороны можете не волноваться. Я предлагаю оставить здесь моего снайпера и кого-то из ваших бойцов, а самим отойти туда, где у вас основные силы, и поговорить. Думаю, что у меня есть, что сообщить. Принимается?

– Принимается. Мы пока тоже в ситуации до конца не разобрались.

– Отлично, тогда я связываюсь со своими, а вы – со своими. И тех, кто у нас на фланге, тоже, кстати, можно убрать. – И хитро так улыбается, мол, знай наших!

Мы связались с бойцами и, оставив прикрытие из ментовского снайпера и нашего пулемётчика, не спеша отправились в сторону опушки, где пришлось устроить временный лагерь. По дороге мы нормально пообщались с сержантом и к приходу в лагерь уже были на «ты». Сержант, которого, кстати, тоже звали Иван, как и Якута, оказался парнем вполне толковым, крепким профессионалом и приятным собеседником. И ещё я подумал, что если окажусь между двумя сержантами – Иванами, – обязательно загадаю добраться до точки назначения, такое желание точно должно сбыться.

В лагере уже готовился обед – Якут резонно рассудил, что раз уж мы здесь задерживаемся, то неплохо бы и поесть по-нормальному. Изначально-то мы предполагали быстренько перекусить сухпайком, чтобы не терять времени, а плотно только ужинать на стоянке на ночь. Сюда уже подтянулись штрафники и трое егерей и что-то тихонько обсуждали с бойцами сержанта Байкова. Сталкеры просто дремали в сторонке, а Михалыч с дрессировщиком, у которого был позывной Ухо, отпросились поохотиться, обещая сильно не шуметь и добыть пару-тройку зайцев на ужин. Малого отправили в рожицу охранять пленника, а прочий личный состав в лице каторжника, дезертира и сапёра занимался обустройством лагеря и прочими малопонятными делами, которыми любой сержант готов загрузить подчинённых при малейшем подозрении на наличие у тех свободного времени.

Мы подошли как раз к моменту начала раздачи пищи, поэтому, быстро представив друг другу сержантов, я взял свою тарелку и уселся на бревно между двумя Иванами. Ага, желание-то никто не отменял!

Проговорили мы с сержантом почти час, и то, что он рассказал, нас совсем не обрадовало. Оказывается, трения между двумя группировками, существующими в анклав, нарастают с каждым годом. «Серые» менты – группировка, состоящая в основном из гаишников, пэпээсников и молодёжи, пришедшей уже после Войны. «Зеленые» менты – остатки нескольких групп ОМОНа и СОБРа, не такие многочисленные, как «серые», но гораздо лучше под-

готовленные. «Зеленые» привыкли тащить службу, не заморачиваясь политикой, и в первые годы после Войны именно они обеспечили выживание анклава ментов.

Но в последние годы обстановка значительно улучшилась – диких большей частью повыбили, муты тоже значительно сбавили натиск, да и Коалиция постепенно набирала силу. Теперь отдельным анклавам уже не надо стоять насмерть, а нужно выдержать первый натиск и дожидаться помощи, благо связь между анклавами и даже отдельными поселениями налажена и работает как часы. Вот в таких условиях и начали поднимать голову «серые», тем более что численность «зелёных» значительно сократилась, ведь именно они вели активные боевые действия. Да и молодёжь не особенно рвалась в боевые части – гораздо спокойнее и безопаснее охранять крестьян, а не шариться по окрестным лесам, рискуя в любой момент напороться на мут, диких или очаг заражения. В результате власть в анклав постепенно переходила в руки «серых», и подарок сталкеров только ускорил этот процесс. Оказывается, «зеленые» уже давно подумывали о том, чтобы уйти или к армейцам, или ещё к кому-нибудь более адекватному, но совесть не позволяла бросить крестьян, которые окажутся практически беззащитны. Однако после нападения на союзников у ментов начнутся большие проблемы вплоть до проведения войсковой операции против изменников, и воевать на стороне этих олухов, как выразился сержант, у него нет никакой мотивации.

Результатом наших переговоров стало следующее соглашение: сержант забирает пленного и тащит его к своим. Там его ещё раз допрашивают и решают, что же делать дальше – то ли уходить к военным, то ли устраивать большую чистку у себя, то ли ещё что. «Сами понимаете, товарищ лейтенант, сержанты таких глобальных вопросов не решают». А я готовлю доклад своему командованию и рекомендую подождать пару дней, «зеленые» за это время определятся и выйдут на связь. В дополнение я сбросил Байкову фрагмент записи с моего шлема, где видно и слышно переговоры с засадой и начало боя. Ну и, естественно, ему отдали все трофеи (нам это барахло ни к чему, а для ментов ещё одно доказательство) и показали место, куда сбросили трупы.

После этого мы вполне мирно и даже дружески расстались. Сержант Байков дополнил мою карту своими данными, где указал места, нежелательные для посещения, – всякие аномалии, остатки очагов заражения, лёжки крупного зверя и тому подобное. Благодаря этим дополнениям до вечера мы успели отмахать ещё почти пятнадцать километров. Прошли бы и больше, но дальше не было мест, удобных для лагеря. Поэтому, решив, что удобное место важнее пяти-семи километров, пройденных до заката, мы встали лагерем под холмиком у симпатичного ручейка. Наши охотники, как и обещали, добыли тройку весьма упитанных зайцев и на ужин обещали отличный шулюм. Была и ещё одна причина для остановки: егеря, штрафники, сталкеры и даже Михалыч с дрессировщиком выдержали пятнадцатикилометровый марш без вопросов, а вот сапёр с совершенно неоригинальным позывным «Бабах», дезертир и каторжник Шило изрядно запыхались. В принципе ничего страшного, думаю, ещё денёк, и втянутся, но сегодня они будут только задерживать.

Плотно поужинав, проверив посты – сегодня опять придётся поработать егерям и штрафникам, а с завтрашней ночи подключим Михалыча и Малого, мы с Якутом устроились на бревне у палатки с чашками чая. Похоже, вечерние посиделки начинают входить в традицию. Мне это даже нравится, всё-таки сержант – человек опытный, и его советы мне точно лишними не будут. Да и просто поговорить с ним интересно.

Как всегда, для начала мы прикинули маршрут на завтра, слегка подредактировали мой рапорт командованию и, налив себе ещё по кружечке чая, заговорили на тему, которая не давала мне покоя весь день.

– Вот скажи мне, Якут, на фига эти робин гуды сегодня на нас напали? Что им, плохо живётся у себя в анклав? Кормят, поят, одевают. Даже воюют в основном другие, Байков и этот лейтенант, Ковальчук, или как его...

– Петренко его фамилия. Серьёзный дядька, кстати. Пару раз вместе работали. А насчёт «зачем напали» – хрен его знает. Может, просто моча в голову ударила, а может, и что серьёзнее... Хотелось бы, чтобы эти робин гуды, как ты их называешь, оказались просто молодыми придурками.

– А что может быть серьёзнее?

– Видишь ли, Коля, ты-то время сразу после Войны толком не застал, мелкий ещё был. А тогда такой бардак творился, вспомнишь – вздрогнешь. Воевали все со всеми. Кому-то крышу сносило от отсутствия власти, и шёл он все подряд жечь-стрелять. Как грибы появились всяческие секты, религиозные, национальные и ещё хрен знает какие анклав и банды. Да ещё всякие дезертиры, просто бандиты, муты – короче, всего хватало. Нашей бригаде повезло с командованием, мигом разобрались в ситуации, организовали службу, прикрыли местное население, но все равно первые годы воевать приходилось непрерывно. А в бою ведь, сам знаешь, с человека вся шелуха слетает мигом. Так что все, кто был с гнильцой, отсеялись быстро, и остался костяк проверенных людей, которые знают, что им нужно, и готовы этого добиваться. – Сержант отхлебнул из кружки и задумался. Наверное, вспоминал те годы. Я ему не мешал, так и сидели, не спеша попивая чаек, пока Якут не продолжил: – А у ментов ситуация была намного проще и сложнее одновременно. Место они выбрали гораздо более спокойное, дикие до них почти не доходят – разбиваются об нас, муты бывают, но небольшими стаями, бандам сначала не было дела до этого уголка – ничего ценного там нет, ни баз, ни складов, только несколько деревенок. А потом и банды практически исчезли. Так они и жили не тужили, крышевали крестьян, отстреливались от случайных мут – скука, короче. Но состав у них изначально сложился слабенький, в основном гаишники, пэпээсники, немного оперов и пара десятков бойцов из разных групп ОМОНа и СОБРа. Люди, общем-то, неплохие. Все сволочи как-то автоматически отсеялись сразу после Войны. Ну не все, конечно, но большинство. Но народ здесь подобрался слабо приспособленный к постоянным боевым действиям. Тем более, без законов, без тыла, без прикрытия. Спецы, конечно, быстро приспособились, сержанта сам видел, а остальные так ни два, ни полтора. К тому времени, как сложилась Коалиция, у армии уже был мощный кулак из подготовленных бойцов, уже была система подготовки, да и территорию мы держали немаленькую. У сталкеров тоже все неплохо, их, конечно меньше, но и задачи они себе выбрали совсем другие. Да и по подготовке бывалый сталкер нашей разведке точно не уступит. Когда подземники выползли из своих убежищ с новыми разработками, вообще все стало замечательно.

– Слушай, а как так получилось, что до Войны и оружие, и связь, и все прочее было хуже? Ведь над этим работали целые институты, заводы, НИИ всякие. А сейчас несколько десятков убежищ... Как так?

– А тут как раз все просто. Оружие хуже не было. Другое оно было, масштабы другие, что ли. У нас сейчас нет стратегической авиации, межконтинентальных ракет, авианосцев, даже танков и то нет, так – остатки от старой армии. Потому что нет и долго не будет таких боев, где бы это богатство потребовалось. Соответственно, и нет необходимости это все разрабатывать и производить. А представь, сколько народа нужно, чтобы разработать танк. А потом его произвести, да не один, а сотни или тысячи. А тот же пулемёт? Вот то-то. Да и не нужны нам теперь миллионы дешёвых пулемётов. Вот и делают подземники оружие чуть ли не штучно, не особо обращая внимание на затраты. Зато и получается то, что нужно, а не то, на что хватило денег. Опять же не висит у них над душой план по НИОКР, гособоронзаказ и прочая бюрократия. Смог придумать нужную вещь – молодец, а тратить время и деньги на исследование влияния мю-мезонов на танковую броню никто не позволит. Какие вещи нужны, и так всем известно. Вот как-то так, я думаю. А вообще, заболтались мы с тобой. Давай, командир, отбивайся, а я ещё разок проверю посты и тоже на боковую.

– Подожди, Иван. Я тут тебя перебил со своими пулемётами, а ты так и не объяснил толком. Ну, в смысле про ментов...

– А про ментов такое дело, как я это понимаю: пока были постоянные бои, пока приходилось выживать, всем было не до всяких дурацких мыслей. А сейчас стало поспокойнее, время свободное появилось, скоро даже в Армии появятся люди, которые оружие только на КМБ в руках держали. Вот и начинается разброд. Ещё лет пять назад таких персонажей, как дезертир или зека, можно было только в прицеле увидеть, а сегодня нам их целую пачку всучили. В довесок, ага. И помяни моё слово, ещё лет пять-семь, и начнутся разговоры про «права человека», «верховенство закона» и прочую лабуду. Вот и менты расслабились, решили, что война закончилась и скоро все будет по-прежнему. Как-то так, я думаю. А ещё вспомнилась мне фраза из какого-то фильма: «Я вообще-то не против закона, но почему-то вместе с ним приходят подходящий налог и штрафы за неправильную парковку».

– А может, и правда война заканчивается?

– Нет, лейтенант, мы с тобой солдаты, и для нас война заканчивается, только когда гроб в могилу и салют почётного караула. И никак иначе, запомни! – сержант как-то зло махнул рукой и, больше ничего не говоря, ушёл проверять караулы.

В эту ночь мы решили поделить дежурство на четверых: меня, Якута, сержанта Енота – командира егерей и старшего сержанта Карабаса из штрафников. Мне выпала последняя смена, так что я без колебаний завалился спать. Жалко, конечно, что разговор прервался на самом интересном месте, но выспаться тоже нужно. Возможно, это последняя спокойная ночь в нашем походе, завтра мы выходим из зоны ответственности Коалиции.

Странно, но про руку я вспомнил только перед сном. Похоже, сыворотка действует, покраснение пропало, и никаких неприятных ощущений.

Проект «Торхаммер»

Наблюдатель «Зелёный»: Без изменений.

Наблюдатель «Чёрный»: Без изменений.

Наблюдатель «Ближний»: Продолжаю работу по плану. Объект проявляет высокий потенциал, но более точную оценку можно ожидать после серьёзного боя. Дополнительно рекомендую обратить внимание на негативные тенденции, выявленные в результате сегодняшнего инцидента.

Координатор: Всем продолжать работы по плану.

День третий

Утро третьего дня «порадовало» нас противным морозящим дождём, так что мы быстренько перекусили остатками вчерашнего шулюма, свернули лагерь и тронулись в путь. Местность была абсолютно незнакомая, досюда не доходили патрули ментов, здесь почти не появлялась наша разведка, даже сталкеры сюда не забредали ввиду полного отсутствия каких-либо довоенных объектов. Единственными людьми, кто ходил в эту сторону, были охотники. Чем дальше на восток, тем больше вероятность встретить какую-нибудь диковинную зверушку. А надо сказать, всякое мутировавшее зверьё было очень ценным материалом для изготовления всевозможных лекарств, эликсиров и прочей биохимии. Поэтому и армейские медики, и тем более лекари лесного народа охотно покупали у охотников разные железы, вытяжки и не знаю ещё чего. Но наш Михалыч хоть и ходил несколько раз в эту сторону, однако охотился намного севернее и сегодня ничем помочь не мог. Неизвестная местность не была проблемой, всё-таки экспедиция отправлялась в края, где никто из наших ещё не бывал, и мы были к этому готовы. Тем более и егеря, и сталкеры были просто идеальным головным дозором, а штрафники прекрасно справлялись во фланговом охранении. Правда, сегодня мы слегка изменили порядок движения: в головном дозоре шли двое егерей и один из сталкеров. Всё-таки егеря больше заточены на обнаружение военной угрозы, а сталкеры намного лучше знакомы со всяческими аномалиями, очагами заражения и прочей гадостью, оставшейся от Войны. Тыловой дозор тоже усилили Малым и дезертиром посменно. Единственными участниками экспедиции, не занятыми в патрулировании, оказались сапёр и каторжник, которых определили в носильщики и навьючили по максимуму.

Первые часа два я волновался за головной дозор, как-никак сборная солянка получилась, непонятно, смогут ли сработаться сталкеры и егеря, уж больно они разные. И по подготовке, и по опыту, и по отношению к службе. По всем пунктам, короче. Однако, когда вернулась первая смена, Гудвин мне просто успокаивающе кивнул, а один из сталкеров (позывные у них «Краш» и «Эдди», только я ещё не запомнил, кто из них кто) показал большой палец – «Все нормально, командир. Классные парни».

А через три часа после выхода случилось первое происшествие. Причём случилось не у головного дозора, который обычно первым натывается на неприятности, и не у флангов, а в тылу группы. Сперва два раза грохнул дробовик Михалыча, а через долю секунды загрохотало застучал автомат дезертира, шедшего в паре с охотником. Мы только успели отпрыгнуть в стороны и приготовиться к отражению атаки, когда снова выстрелил дробовик и все стихло.

– Командир, Хвосту! – раздался в наушниках спокойный голос Михалыча.

– Здесь командир.

– Отбой тревоги. Посмотрите, какого красавца мы завалили.

– Принял, выдвигаюсь.

Пришлось делать незапланированный привал, что, по-моему, вызвало огромную радость у наших «верблюдов» Шила и Бабаха. Упались бойцы, вот что значит пренебрегать физической подготовкой. Ладно, пусть отдыхают, а мы с Якутом отправились к Михалычу. Метров через сто нашим глазам предстала следующая картина: привалившись к дереву, сидит бледный как смерть солдатик и трясущимися руками пытается заменить магазин в автомате, а рядом сияющий как медный самовар охотник горделиво попирает ногой, по-другому не сказать, гору какого-то грязно-бурого меха. Причём гора размером с хорошую лошадь.

– Вот, командир, зацени, какой красавец! Крался за нами, сукин сын, а тут кусты погуще, вот он, видимо, и решил напасть. Но меня-то на такой мякине не проведёшь! Успел выдать ему картечи в пузо и пулю в голову. А тут и солдатик подключился, дал время перезарядиться, ага. Правда, трясёт его что-то, в смысле солдатика-то, и штаны надо бы ему проверить, а то

демаскирует нас запахом, ага. – Видно было, что Михалыч тоже ещё не отошёл от боя, вот и трещит без умолку.

– Молодцы! Михалыч, а кто это вообще? Мутант какой-нибудь?

– Да что ты, командир! Медведь это обычный, самый что ни на есть Михайло Потапыч, почти что тёзка, блин-банан. Просто вымахал изрядно, ага. Товарищ лейтенант, дай мне полчасика, разделаем трофей. И свежатинка будет на ужин, и сало надо бы взять, медвежье сало – то при плохих ранах и прочих напастях первейшее лекарство. Шкуру брать не будем, ага, нам до ближайшего камина как до Пекина раком, да побита она слегка.

– Ладно, Михалыч, занимайся. Полчаса тебе на все, через тридцать минут выдвигаемся, – надо было как-то прервать словесный понос, на который пробило нашего бравого охотника. Да и полчаса никакой погоды не делают, а что нам может понадобиться в пути, никто не знает.

Ладно, пока охотники разбираются с нашей добычей, у меня есть время поговорить с дезертиром. Похоже, этот парень оказался не таким гнилым, как его дружки. Хотя и испугался до усрачки, но не убежал, стрелял и дал возможность Михалычу завалить зверюгу. Надо с ним пообщаться, как сказано в Уставе, «...командир должен непрерывно повышать боевые, психологические и специальные навыки и качества личного состава». Вот и пойду повышать, блин.

– Здорово, боец!

– Здравия желаю, товарищ лейтенант! – Ладно, хоть какие-то основы в этих остолопов сумели вложить. Дезерт не только ответил по уставу, но даже попытался принять стойку смиренно.

– Вольно, отдыхай. Молодец, рядовой, ты все сделал правильно. От меня тебе благодарность, в часть я сообщу сегодняшним рапортом.

– Служу России!

– Ладно, боец, не тянись. Какой у тебя позывной?

– Нет у меня позывного, товарищ лейтенант, в учебке не дали, а дальше вы сами знаете...

– Эх, схаливали сержанты в учебке, придётся мне теперь голову ломать.

Вообще-то, большинство военнотружущих получали позывной ещё в учебке, тамошние сержанты были бесконечно изобретательны в этом отношении. Если кто-то выходил из учебки без позывного, значит, курсант умудрился абсолютно никак себя не проявить. Как это возможно, ума не приложу.

– Значит, так. Проявил ты себя первый раз в лесу, проявил хорошо, поэтому будешь отныне «Лесной». В рапорте это тоже укажу.

– Спасибо, товарищ лейтенант! – Засверкали глазёнки у солдатики.

– Так, боец, слушай приказ! Сегодня и завтра поступаешь в распоряжение Михалыча. Учись у него всему, ну кроме болтовни, конечно. А через день пойдёшь в дозор под командованием старшего сержанта Карабаса. Будем делать из тебя полноценную боевую единицу.

– Есть! – Вскочил, вытянулся и глазами меня поедает, даже румянец на щеках появился. Будет толк из бойца, если не погибнет раньше. Но тут уж у кого какая судьба.

Заканчиваю решать вопросы с дезертиром, теперь уже бывшим, ведь получение благодарности от командира подразделения, то есть меня, вкупе с присвоением позывного автоматически восстанавливает его прошлое звание. И становится наш боец не «дезертиром без позывного», а самым настоящим рядовым Лесным. Со всеми вытекающими. Как раз успел принять доклады от всех дозоров к тому времени, как охотники закончили «топить сало». Все, привал окончен, выдвигаемся дальше.

Однако этот день явно не задался с самого начала. Буквально через полчаса мы наткнулись на болото. Мало того, это болото ещё и фонило так, что гейгеры стрекотали как швейная машинка. Пришлось отправлять две группы искать обходной путь. Через три часа путь был найден, хотя путём это назвать язык не поворачивается. В результате за день мы протопали

почти пятьдесят километров, причём чуть ли не половину этого по жуткому заболоченному бурелому, но к цели приблизились всего на десять. К тому же место для лагеря было очень неудачным, из всех плюсов только большой дуб, у корней которого мы и встали на привал. Холмик, а скорее просто большая кочка, обдувался со всех сторон, но там хотя бы было почти сухо. И почти не было радиации.

Сразу после остановки я вызвал Михалыча, Енота, Карабаса и сталкеров. С учётом того, что Якут и так всегда рядом, получилось что-то вроде совещания с участием командиров подразделений. На этом совете, совмещённом с поглощением разогретого сухпая, решили долго на месте не задерживаться, дать поспать посменно всем по два часа и через четыре часа выдвигаться дальше. Все равно в этих болотах видимость что днём, что ночью, а что может из болота выползти, никто не знает. Распределили смены и отправились кто спать, кто службу нести. Единственные, кому повезло, это наши верблюды, им спать все четыре часа. Ладно, пусть отдохнут.

Я отправил Якута спать, проверил посты и сел писать рапорт. И дело полезное, и спать не так тянет. Жалко, сегодня не получилось пообщаться с сержантом, я уже начал привыкать к нашим вечерним беседам. Но придётся обойтись и без посиделок, и без вечернего чая. Надеюсь, завтра мы выберемся из этих болот, достала уже эта сырость, эта вонь, эта мошкара. Ещё и раненая рука начала чесаться. Сегодня колоть не буду, а завтра, скорее всего, придётся. Если я буду тратить сыворотку такими темпами, мне её надолго не хватит. Все, обхожу ещё раз посты, и можно подремать пару часов.

Проект «Торхаммер»

Наблюдатель «Зелёный»: Без изменений. Действие сыворотки укладывается в статистические погрешности. Мониторинг состояния Объекта ведётся в реальном времени.

Наблюдатель «Чёрный»: Без изменений.

Наблюдатель «Ближний»: Без изменений.

Координатор: Всем продолжать работы по плану.

День четвертый

Начался четвёртый день ещё ночью. В 03:00 Якут разбудил всех спящих, мы быстренько разогрели сухпай, так же быстренько его проглотили и отправились покорять, мать их, неизведанные просторы. Мои надежды на то, что болота скоро закончатся, похоже, не оправдаются. Как и надежды на окончание дождя...

К рассвету мы всё-таки выбрались из бурелома на более-менее ровное место. Удивительно, но пока мы чуть ли не наощупь пробирались в этом грандиозном завале из деревьев, камней, каких-то полусгнивших растений, больше всего похожих на лианы, и прочей гадости, на нас никто из местной живности даже не пытался напасть. Ну это, естественно, не считая мошкар. Хотя наш бронекомбинезон вместе со шлемом представляют собой практически скафандр, способный защитить от ядовитых газов, автоматных пуль и кратковременных всплесков радиации, никто из разработчиков этого чудо-скафандра не думал, что мелкая мошка будет фанатично пытаться пролезть через воздушные фильтры, погибая тысячами, десятками тысяч, но при этом практически забивая эти фильтры.

И поднять забрало шлема тоже нельзя, потому что тогда такие же полчища кровососов набросятся на ничем не защищённое лицо. Я уже подумывал о том, что надо бы объявить привал, разложить одну палатку, выгнать из неё гнус и поочерёдно почистить фильтры, когда вышел на связь головной дозор.

– Командир – Голове!

– Здесь!

– Впереди аномалия. – Голос у сталкера усталый, но докладывает по всем правилам. – Прошу выслать ко мне Эдди, мы её разведем. Пока опасности не обнаружено.

– Принято. Эдди, выдвигайся в голову.

Бедный Эдди, сменившийся минут десять назад, кивнул и потрусил вперёд. Остальные привычно образовали периметр и медленно двигали стволами, контролируя свой сектор. Хотя явной опасности и нет, расслабляться не стоит. Меня порадовала слаженность работы нашего подразделения (а ведь ещё два дня назад я иначе как «бандой» его не называл). Шансы на удачное завершение экспедиции растут на глазах. Тыфу-тыфу, чтоб не сглазить.

Аномалия оказалась странной: здоровенная каменная плита с температурой на пять градусов выше окружающей. Ни радиации, ни заражения, ни каких-либо опасных излучений мы не обнаружили. А самое главное, над плитой не было вездесущей мошкары и такого же вездесущего тумана. Поэтому решили устроить на этом месте привал, почистить фильтры и слегка передохнуть, потому что вымотались все изрядно, а дальше вряд ли будет легче.

Я почистил фильтр бронекомбеза, проверил и почистил автомат, заодно и смазал его как следует. Хотя оружие и не сильно боится влажности, но лучше перестраховаться и не пожалеть смазки, чем потом отчищать ржавчину. Да и проклятую мошкарку запах смазки должен хоть слегка отпугивать. Вроде бы все нормально, даже спокойно, как-то по-домашнему, что ли, будто мы не в болоте за десятки километров от ближайшего жилья. И лежать на камне, оказывается, очень удобно, такой он тёплый, можно сказать уютный... Только вот рука чешется просто нестерпимо, а шевелиться так неохота... Что?! Почему мне неохота шевелиться? Подняться на ноги у меня получилось только со второй попытки, было такое ощущение, что я целиком вплавился в эту проклятую каменюку. Но величайшее магическое изобретение – русский мат – способно справиться и не с такими трудностями. Поднявшись на ноги (в два приёма, сперва пришлось встать на четвереньки и отдышаться), я в лёгком изумлении уставился на окружавшую меня картину: наша доблестная экспедиция в полном составе, включая часовых, совершенно неподвижно вповалку лежала на плите.

В первый момент я испугался, уж больно мои товарищи походили на трупы, но слабость и отупение постепенно проходили, и я уже смог более-менее адекватно соображать. Попытки выйти на связь с бронекомбезами бойцов и узнать статус не увенчались успехом, на мой голос тоже никто не реагировал. Решив, что мы подверглись воздействию какого-то отравляющего вещества или неизвестного излучения, я начал по одному оттаскивать людей с плиты. Далеко таскать не стал, похоже, действие неизвестного фактора заканчивается там, где начинается туман и мошकारа, главное не забывать закрывать забрала, а то мошकारа сожрёт спасённых. Первым вытащил Якута, уложил на землю, поставил на всякий случай две гранаты в режиме растяжки – вдруг кто в гости пожалует, а у нас единственная боеспособная единица – это я, да ещё и руки заняты очередной тушкой. Когда я притащил Енота, Карабаса и Бабаха (вытаскивал я людей не по какому-нибудь принципу, а просто сначала тех, кто лежал сверху), бронекомбез Якута вышел из спячки и сообщил, что его хозяин абсолютно здоров и пребывает в глубоком сне. Пришлось дать команду на инъекцию стимуляторов, другого способа быстро разбудить сержанта я не видел, не по щекам же его хлопать в шлеме-то.

Подтаскивая Гудвина, я увидел, что Якут начал подавать признаки жизни. Быстренько смотался за Эдди, благо сталкеры все как на подбор невысокие и худощавые, и застал сержанта Якута сидящим на земле и недоуменно озирающимся вокруг. Хотя пистолет у него уже в руках и руки не дрожат. Почти. Вот и отлично. Быстренько ввёл Якута в курс дела, заодно слегка отдышался, всё-таки перетащить подряд пять человек не то чтобы сильно тяжело, но и на зарядку тоже не тянет. Потом мы с сержантом вытащили остальных, активизировали всех на пробуждение, не такое экстренное, как Якута, просто лёгкую стимуляцию, и уселись ждать результата. Естественно, включив в шлемах функцию обнаружения всех видов угроз и не забывая поводить стволом автомата в своём секторе ответственности. Кстати, рука почти не чешется. В процессе спасательной операции я как-то не обратил на это внимания, но та зверская чесотка, которая подняла меня с места, исчезла, оставив только лёгкое почёсывание, к которому я уже начал привыкать.

Через полчаса вся наша, как витиевато выразился сержант Якут, богоспасаемая экспедиция окончательно пришла в себя. Можно сказать, что из этой непонятной ситуации мы вышли без потерь, лишние час-два времени для нас особой роли не играют, а так никто не ранен, имущество все на месте. Кстати, за рюкзаками и автоматами пришлось идти отдельно, и никто из зашедших на плиту не испытал никаких ощущений или непонятных желаний. Просто подошли, взяли груз и спокойно ушли. Да и автомедики бронекомбезов не обнаружили никаких отклонений в здоровье подопечных. Так что на наших глазах родилась ещё одна легенда экспедиции, которую будут рассказывать в кабаках, а может быть, и не будут, а просто тихо похоронят в архивах.

Посидев ещё с полчаса и окончательно придя в себя, мы были готовы двигаться дальше. Собственно, ничего экстраординарного не случилось, даже наоборот, все, кроме меня, чувствовали себя хорошо отдохнувшими и вполне бодрыми. Так что, возможно, мы бы просто выпались на этой плите и, набравшись сил, потопали дальше. Но на будущее решили такие эксперименты не ставить: при обнаружении чего-то непонятного всем составом туда лучше не входить, даже если это «непонятное» совершенно безопасно. Ладно, распределились по порядку движения и пошли, как говорится, солнце ещё высоко.

Часа через два туман начал редеть, эскадрильи мошकारы тоже изрядно потеряли в численности, и мы всё-таки вышли из болот на сухое место. В очередной раз порадовался слаженным действиям нашего подразделения: головной дозор при выходе на открытое место развернулся по фронту, фланговые дозоры увеличили отрыв от основной группы, остальные дождались команды от головного и только после этого выдвинулись вперёд. Как всегда, первые новости пришли от Головы.

– Командир – Голове.

– Здесь командир.

– Гудвин. Место обжитое, но сейчас живых нет. На два часа строения. Расстояние до ближайшего – тысяча двести. Явно недавней постройки. Частично разрушены. Характер разрушений определить не могу. С одиннадцати на час дорога. Без покрытия, частично заросшая. Населения не наблюдаю, опасной живности тоже.

– Принял.

Быстро переговорив с Якутом и сержантом егерей, мы решили сделать небольшой крюк и обследовать строения. Во-первых, надо разобраться, кто же здесь жил и почему здесь больше не живёт, а во-вторых, одной из целей экспедиции, пусть и не самой важной, является картографирование. Поэтому мы оставили на месте наших носильщиков, к которым, похоже, уже намертво прилипло прозвище «братья верблюды», метко приклеенное Крашем. В компанию к ним определили Михалыча, Лесного и дрессировщика Ухо. Гудвин и Малой прикрывали нас издали, а все остальные, разбившись на двойки, отправились обследовать деревеньку.

Много времени это обследование не заняло, и минут через тридцать мы уже имели примерную картину произошедшего. Деревню покидали быстро, но организованно. Об этом говорило то, что в домах, сараях и прочих постройках не осталось ничего ценного, но то и дело попадались обрывки одежды, разбитая посуда, какие-то забытые вещи вроде сломанной куклы или молотка без ручки. А причиной ухода явно было нападение. На деревеньку из дюжины домов напала довольно крупная стая мутлов. Произошло это прошлой осенью, до снега. Мутлы были вооружены в основном холодным оружием, но их было много. Хозяева отбились, но, видимо, потери были слишком велики, и остатки жителей покинули это место. Куда они направились, непонятно, следы за полгода исчезли, да и не очень это нас интересовало. Гораздо более интересным было то, что мы так и не смогли определить, кем же были жители деревни. Не было церкви, мечети или молельного дома, которые почему-то очень любят в деревнях, только небольшая то ли часовенка, то ли кумирня, но из неё вынесли то, что там стояло. Вполне человеческие вилы, и рядом молот, которым явно бились, судя по налившимся на него остаткам чего-то похожего на шерсть. Однако этот молот я смог только приподнять, махнуть им – не знаю каким богатырём нужно быть, молоточек-то килограммов под сто пятьдесят весом. А в одном из сгоревших домов нашли ложе от арбалета, явно не под человеческую руку. Может, это осталось от захватчиков, а может, и от поселенцев.

В результате все, что было интересного, засняли, вечером отправлю вместе с рапортом, пусть теперь у штабных аналитиков голова болит. Устроили небольшой привал в наиболее сохранившемся доме и тронулись в путь. Картография картографией, а задание никто не отменял и не откладывал.

Остаток дня прошёл без происшествий, мы тупо перебирали ногами, дозоры менялись, «верблюды» ныли и просили привала – в общем, все – как и положено сводному подразделению на марше. Даже рука особо не чесалась, так, чисто для напоминания.

Однако если день не задался с самого начала, то он и заканчивается так же неудачно. Уже под вечер мы вышли на равнину, ровную как стол и покрытую травой высотой по колено. Найти на этой плоскости место, удобное для привала, было просто невозможно – вся равнина была абсолютно одинакова, ни холмика, ни ямки, про источники воды я даже не говорю. Поэтому лагерь пришлось ставить, не выбирая места, просто по времени – солнце начало садиться, и мы остановились. Решили не ставить палатки, на этой мегалужайке их будет видно издали, костёр тоже не стали разводить по той же причине, да и дрова мы с собой, естественно, не носили. Разогрели сухпай, перекусили, распределили дежурства, и все свободные от вахты отправились спать. Дежурная смена сегодня больше, чем обычно, так как негде устроить удобные посты наблюдения, пришлось расставить по периметру гранаты в режиме растяжки, и четыре человека дежурной смены просто контролировали каждый свою сторону. И плюс старший смены, который сидит в центре стоянки. В общем-то, все нормально, по этой

траве подкрасться к нам может зверь не крупнее кошки, так что такого караула должно хватить, тем более, что остальные спали не снимая комбезов, а оружие у нас всегда под рукой. Моя смена, как всегда, первая, потом Енот, за ним Карабас, Якуту досталась самая противная утренняя смена.

Сейчас добыю рапорт и пойду, точнее поползу проверять посты. Мы решили особо своё присутствие не выпячивать, поэтому в полный рост никто не вставал. Неизвестно, что и кто на этой равнине живёт, лучше мы незаметно переночуем и с утра со свежими силами дальше. Как ни крути, а спокойный сон выигрывает у ночного боя по всем позициям. А в принципе, мы сегодня неплохо поработали, километров сорок пять, а то и все пятьдесят отмахали. Больных и раненых нет, только «братья верблюды» вымотались на полную катушку, но ничего, скоро им будет полегче, всё-таки каждый день их рюкзаки хоть немного, но легчают, да и сами они потихоньку втягиваются в ритм. На этом я сегодня заканчиваю, надеюсь, за ночь ничего не случится. Да, надо не забыть вколоть себе дозу сыворотки. Хоть сегодня чесотка и сработала в плюс, все равно терпеть это становится все тяжелее.

Проект «Торхаммер»

Наблюдатель «Зелёный»: Отмечаю нестандартные симптомы при отравлении ядом паука (сильная чесотка) при возникновении угрозы. Рекомендую посоветовать Объекту максимально отложить время приёма вакцины. Также рекомендую отправку совместной научной экспедиции для изучения свойств аномалии «камень».

Наблюдатель «Чёрный»: Средства контроля не обнаружили негативных последствий пребывания личного состава экспедиции в аномалии «камень». Причины сбоя автоматики экипировки выясняются. Рекомендации по отправке экспедиции поддерживаю.

Наблюдатель «Ближний»: В нестандартной ситуации объект действовал чётко и быстро. Соответствие Объекта целевому психопрофилю растёт по мере увеличения его самостоятельности.

Координатор: Рекомендации по исследованию аномалии «камень» отправлены в Штаб Коалиции. Продолжаем по плану.

День пятый

Наступил пятый день экспедиции. Несмотря на ночёвку без горячего ужина и без всяких удобств, нам удалось вполне нормально отдохнуть, и, позавтракав разогретым сухпаем, собрав расставленные с вечера растяжки, мы отправились дальше. Километров через десять движения по равнине увидели вдалеке, почти на горизонте, тёмную полосу. Похоже, игры на лужайке заканчиваются, и мы снова войдём в лес. Кстати, на картах, которые мне выдали в бригаде, никакой равнины таких размеров не отмечено, а на нашем пути должны были встретиться как минимум парочка лесов и даже одна речушка. Но это несовпадение никого особо не расстроило, идти по ровной земле, поросшей невысокой травкой, было легко, видно на такой местности далеко, короче, отличная прогулка получилась.

Так замечательно мы отмахали почти двадцать километров и добрались до границы леса. Видимо, интуиция подсказала мне правильное решение или просто не верилось, что так долго все может быть хорошо и спокойно, но я решил сделать привал в километре от границы леса, отдохнуть и затем выдвинуть передовой дозор. Что-то в лесу было неправильно, но никак не удавалось понять что. В результате мы спокойно пообедали, отдохнули, Михалыч, по-моему, даже вздремнуть успел. Почему-то мне очень не хотелось отдавать команду начать движение. Не было никакого внешнего воздействия, как на той каменной плите, просто какое-то шестое чувство упрямо настаивало, что лёгкая прогулка закончилась и неприятности не за горами. Но делать нечего, мы выдвигаемся.

Егеря, которых я назначил в головной дозор, без спешки собрались, проверили оружие, снаряжение, попрыгали и, растянувшись редкой цепью, двинулись в сторону леса. Я не стал им ничего говорить, было видно, что эти опытные бойцы тоже предчувствуют неприятности. Двигались они осторожно, время от времени останавливаясь и внимательно рассматривая лес в оптику. Видимо, у тех, кто ждал нас под деревьями, не выдержали нервы, и первый выстрел прозвучал, когда от егерей до леса было ещё метров триста. Этот выстрел словно послужил сигналом, лес моментально ожил, и на нас с воем и рёвом выкатилась целая лавина странных, каких-то исковерканных и обезображенных существ. Муты! Причем стая очень даже немаленькая – штук сто – сто пятьдесят особей, а ещё кто-то наверняка остался в лесу – прикрывать наступление огнём. Слава богу, эти муты не имели никакого представления о тактике, да и нормального огнестрела у них было немного – в основном всякие копыя, молоты и ножи, несколько охотничьих гладкоствольных ружей и только десяток автоматов. К тому же особи все были разные и по размеру, и по скорости передвижения, поэтому к тому моменту, когда первые уже пробежали половину расстояния, многие их сородичи успели отойти от леса шагов на двадцать. Те, кто бежал в первых рядах, попали под перекрёстный огонь двух пулемётов: Малой и Мешок, пулемётчик егерей, не дали им даже тени шанса. В это же время Гудвин, умудрившийся найти какое-то укрытие, уполовинил число вражеских стрелков в лесу. Не знаю, сколько он снял, но огонь из автоматов явно потерял интенсивность.

За первые минуты боя мы уменьшили число противников на несколько десятков, но сейчас к нам подкатывалась основная волна нападающих. Я первый раз участвовал в подобном бою, но волнения не было. Ну, или почти не было. За то время, что понадобилось мутам, чтобы добраться к нам на расстояние сотни метров, мы успели перегруппироваться, поставив пулемётчиков на фланги, а остальные ждали волну, изготовившись к стрельбе с колена, благо автоматчики в лесу стараниями Гудвина почти закончились, а дробовики на такой дистанции никакой опасности для нас не представляли. Подпустив врага метров на сто, мы залпом выстрелили из подствольников и сразу же перешли на автоматический огонь – промахнуться по такой толпе было просто невозможно. В результате до нас не дошёл ни один, хотя последнего мута завалили буквально в паре метров. Я отправил всех свободных на «контроль» – часто муты

отличаются какой-то запредельной живучестью и сумасшедшей скоростью регенерации, так что лучше перебдеть и дострелить подранков.

Результат этого боя меня порадовал: мы перебили довольно большую стаю – порядка ста шестидесяти особей, точнее сосчитать не удалось, там, где поработали гранаты, остался только фарш. При этом у нас не было ни одного ранения и, самое главное, все бойцы выполнили свою задачу на «отлично», даже каторжник и то не подвёл. Все-таки правильная тактика и современное вооружение намного важнее численного преимущества. Как говорил нам сержант-инструктор в учебке, «что может быть приятнее для пулемётчика, чем противник, наступающий плотными шеренгами». Немного беспокоил расход боеприпасов, но тоже ничего страшного, как разгодились БК, снятые с наших беглецов.

После пополнения индивидуальных боекомплектов оказалось, что нести нашим «верблюдам» практически нечего и теперь их можно со спокойной совестью отправлять в дозоры, пусть нарабатывают навык. В качестве трофеев нам достались семь автоматов Калашникова довоенных модификаций, порядка двух тысяч патронов к ним, несколько гранат РГО и РГН, тоже довоенного выпуска и два десятка гладкоствольных охотничьих ружей. Автоматы и патроны к ним мы убрали в схрон, который оперативно оборудовали егеря, – нам сейчас эти автоматы не нужны, только лишняя тяжесть, но выбрасывать их тоже не стоит, может быть, кому-нибудь пригодятся. Все-таки старый калаш, несмотря на свой более чем почтенный возраст, остаётся оружием очень надёжным и ещё не один десяток лет будет востребован. Так что теперь эти ветераны, почищенные и щедро смазанные, будут лежать и ждать, когда их снова призовут на службу. Гранаты забрал себе Бабах, они, конечно, уступают тем, которые есть у нас, да и надёжность вызывает сомнения, но на растяжки вполне могут пригодиться. Ружья и патроны к ним решили нести до вечера, если попадётся какое-нибудь поселение, то крестьянам они лишними не будут, а если ничего не попадётся, сделаем ещё один схрон.

Кстати, один из стрелков смог уйти, правда, недалеко. Через несколько минут, после того как основная часть отряда втянулась в лес, впереди раздалась короткая очередь, и сразу же последовал доклад от головного дозора:

– Командир – Голове. Обнаружен один мут, раненый, вооружён АК-12. Уничтожен. Оружие забрали, продолжаем движение.

– Принял.

Вот так. Видимо, подранок смог отползти, пока мы собирали трофеи, но на большее сил уже не хватило. Обидно, что мы проглядели его следы, но это стадо мутлов так тут натоптало, что ничего удивительного нет. На всякий случай я приказал головному дозору принять правее, маловероятно, что мы наткнёмся на ещё одну стаю, но лучше идти по нетронутому лесу, там наши егеря ничего не пропустят. А вообще удивительно, что же такая большая стая делала в этих местах. Судя по тем вещам, что были у них с собой, они шли пешком и шли как минимум месяц. Что же им было нужно в этом почти пустом районе? Здесь нет никаких объектов, практически нет поселений. Загадка...

Пока я предавался размышлениям, наш отряд бодро передвигался по лесу. Лес здесь был хороший, чистый, без оврагов, буреломов, зарослей кустарника и прочих мешающих движению препятствий. Я уже подумал было, что до темноты мы вполне можем отмахать километров двадцать – двадцать пять, но неожиданно ожила рация.

– Командир – Михалычу!

– На связи.

– Командир, за нами кто-то идёт. Один. Не зверь. Расстояние до меня метров тридцать – сорок. Идёт хорошо, я его только случайно заметил. Что делать?

Интересно. Один, маскируется хорошо – явно не мут из той стаи. Скорее всего, или охотник, или из местных. Надо бы его спеленать по-тихому и поспрашивать, что в окрестностях происходит. Быстренько обсудив ситуацию с сержантами, решили устроить засаду из

пары егерей, которые моментально растворились в зарослях, а весь остальной отряд двинулся дальше. Михалыча я предупредил, чтобы вёл себя спокойно и не спугнул нашего преследователя. Результат не заставил себя ждать, уже через пять минут егеря притащили добычу. Добычей оказался мальчишка лет пятнадцати, одетый в добротную одежду из кожи и вооружённый внушительным охотничьим ножом. На нас он смотрел с испугом, но без ненависти. Испуг тоже вполне объясним – явно в этих местах не каждый день встречаются вооружённые до зубов и одетые в бронекомбинезоны со шлемами незнакомцы. Ладно, посмотрим, что нам расскажет этот абориген. Мы остановились на небольшой полянке, паренька усадили на пенёк, а сами уселись напротив.

– Ну что, лесной житель, давай знакомиться. Я лейтенант Никель, рядом со мной сержант Якут и сержант Енот.

Мальчишка не смог сдержать улыбки, услышав позывной командира егерей. Если честно, со мной было так же, когда я первый раз увидел сержанта егерей, уж больно круглолицый и улыбочивый сержант походил на енота, причём какого-то мультяшного.

– Так это, Ленька я, Лыков Ленька, – и захлопал глазами, видно не зная, что ещё сказать.

– А скажи, друг Ленька, зачем ты за нами крался? Почему просто не подошёл?

– Так это, дядька Василий мне сказал. Иди, говорит, посмотри, куда это муты топают, и, ежели в сторону деревни заворачивать надумают, ты, говорит, стрелой ко мне. Муты-то не быстро ходят, а я в деревне наипервейший бегун. Да и в лесу спрятаться могу, так что никто не увидит, – тут он, видимо, вспомнил, как мы его поймали, и слегка смутился. – Ну, муты-то точно не увидят, непривычные они к нашему лесу. Вот я и крался за стаей, а тут слышу бабах-бабах! И пулемёты стрекочут, и муты орут! Короче, засел я в кустах, думаю, подожду, чем дело кончится, а там уже к дядьке Василию побегу. А тут этот идёт, и кровища из него хлещет, упал в ямку, ну это он упал, я-то в кустах так и сидел, значит. А тут эти, ну которые ваши, мута застрелили, автомат забрали, я его себе хотел хотел взять, мут-то уже совсем не жилец был, а тут ещё ваши подошли, я и решил посмотреть, кто такие и куда идёте. Не думал, что у вас такие лесовики есть, чтобы меня скрасть. А что со мной делать будете? – До мальчишки наконец дошло, что целый отряд вооружённых людей – это не шутки.

– А что с тобой делать? Проводишь нас до деревни и свободен. Хочу познакомиться с дядькой Василием.

– Так это, не знаю, дядька-то ничего такого мне не говорил... – Видно было, что пацан боится вести нас в свою деревеньку. Для меня это было немного непонятно, во всех деревнях, которые находились в зоне влияния нашей бригады, солдатам всегда были рады, а уж бояться нас никому бы в голову не пришло. Можно, конечно, мальчишку заставить, но не хочется заявляться в деревню незваными. Можно плюнуть на эту деревню и двигаться дальше, но деревенские наверняка отлично знают окрестности, и это может существенно облегчить нам движение. Да и данные об ещё одном человеческом поселении тоже важны, как ни крути. Неожиданно ответ на мучивший меня вопрос нашёлся у Краша. Сталкер тронул меня за плечо:

– Командир, на минутку.

Мы отошли метров на пять, сопровождаемые испуганным взглядом Ленки.

– Я, кажется, знаю, чего он боится. Наверняка в деревне есть жители с разной степенью мутаций, здесь это должно быть в порядке вещей. А таких не любят ни муты, ни человеческие банды. Вот Василий, а он наверняка кто-то вроде старосты, и отправляет разведчиков при приближении любого более-менее серьёзного отряда. Кстати, у мальчишки ушки-то не совсем человеческие.

– Похоже на правду. – Вот ведь, а уши-то я проглядел. – А ничего серьёзнее там быть не может? Ты-то наверняка таких деревенок не одну прошёл.

– Вряд ли. Ну, разве что пара пулемётов припрятана, но это не наше дело. А так, явно не людоеды, на фанатиков не похожи, так что, скорее всего, я прав.

– Хорошо, пойдём, потолкуем с нашим гостем.

Мы вернулись к оставленной нами компании, и я решил просто спросить мальчишку. Даже если соврёт, мы увидим.

– Ну что, друг Ленька, ответишь мне на парочку вопросов? А то у нас с тобой какое-то недопонимание получилось.

– Ага.

Видно, что боится, но старается не показывать.

– Вот скажи, у вас в деревне людей едят?

– Нет, дяденька, вы что! Как же можно! Да чем угодно поклянусь! – Не врёт, вон как голос звенит, да и раскраснелся весь от возмущения. И богов никаких в свидетели не призывает, так что вопрос с фанатиками тоже отпал.

– А боишься ты нас вести в гости, потому что некоторые жители не совсем обычные люди, так? – Видно, что попал в точку. Не буду пацана мучить. – Так вот, можешь не бояться. У нас там, откуда мы идём, такие тоже есть, но никого это не волнует. Нельзя жрать человечину, нельзя держать рабов, нельзя нападать на нас. Все остальное – ерунда. Ну как, успокоился?

– Ага. Только дядьку Василия я все одно предупредить должен. А то ухи оборвёт.

– Тогда мы с тобой так поступим. Покажешь, в какой стороне деревня, и дуй предупреждать. А мы не спеша двинемся за тобой. Годится? И вот ещё что, в лесу могут остаться муты из той стаи, которую мы покروшили. Отставшие или сильно хитрожопые. Так что держи ружьё и патронов к нему десяток. Обращаться-то умеешь?

– Умею, дядька лейтенант, конечно, умею. У нас все умеют, только мал я ещё своё ружо иметь. – А глазёнки сверкают, видно, с оружием в деревне не особо богато.

– Ладно, считай, что ружьё тебе выдано как представителю союзников для выполнения важной миссии. – Выдал парню ружьё из трофеев и десяток патронов с картечью. Нам не жалко, а так всё-таки спокойнее. – Теперь давай рассказывай, как до вашей деревни добраться. И, кстати, как она хоть называется-то?

– Так «деревня» и называется. Все одно других рядом нет. А добраться просто, идёте в ту сторону, – он вытянул руку, показывая направление, – как дойдёте до ручья, повернёте направо, и вдоль ручья ещё минут двадцать ходу. Идите только по левому берегу, правый заболочен, можно в трясины угодить. Я сам напрямки побегу, но там у нас в лесу ловушки всякие, так что вам по ручью быстрее будет и спокойнее.

Похоже, до конца нам пацан не доверяет, но ничего страшного, я бы на его месте тоже особо уши не развешивал. Поступим так, как он советует, а уж если это ловушка, умения наших егерей и Михалыча хватит, чтобы найти следы этого охотника, а нашей огневой мощи достаточно, чтобы стереть с лица земли небольшой городок, не то что какую-то деревушку без имени. Но, думаю, все будет тихо и мирно, деревенским нет резона ссориться с хорошо вооружённым отрядом, который на их глазах, не особо напрягаясь, уничтожил полторы сотни мутов.

В результате Ленька отправился бегом готовить нам встречу с местным начальством, правда он не знал, что за ним идёт один из егерей – рядовой Чижик, весёлый рыжий паренёк, невысокого роста и довольно субтильного телосложения, совершенно не производящий серьёзного впечатления. Однако в лесу ему не было равных, даже Михалыч, уж на что тёртый калач, просто обалдел, увидев, как Чижик моментально и совершенно бесшумно растворился в кустах. Не иначе, есть в парне эльфийская кровь.

Мы дали возможность Леньке (ну и Чижик, конечно, за компанию) удалиться на достаточное расстояние и тоже выдвинулись в сторону деревни по рекомендованному мальчишкой маршруту. Пацан не обманул, дорога полностью совпадала с его описанием. Где-то на середине пути на связь вышел Чижик, сообщил, что Ленька добрался до деревни, деревенские насто-

жились, но без истерик, а в лесу у деревни действительно множество ловушек, правда, скорее, на зверя или бестолковых мутов, но есть и вполне качественные.

А уже на подходе к деревне нас ждал крепкий седой дядька лет пятидесяти в камуфляже и с калашевским укоротом на плече. Стоял он совершенно открыто и спокойно ждал нашего приближения, но автомат с предохранителя снят. Что ж, как известно, бережёного и Бог бережёт. Мы с Якутом отправились знакомиться, а остальной отряд вполне толково изобразил этюд «кратковременная остановка подразделения на марше с выставлением боевого охранения».

– Добрый день! Лейтенант Никель, командир экспедиции двенадцатой бригады Армии, – уже привычно представился я.

– Сержант Якут!

– Э... Колташев Василий Степанович, хрен его знает, как мою должность назвать. Короче, главный в деревне. – Мужик как-то слегка смутился. – А что это у вас фамилии какие-то?..

А, понятно, не сталкивались в здешней глухомани с Армией. В наших-то местах все привыкли, что армейские никогда не представляются именем-фамилией, только позывной. Так повелось ещё с первых послевоенных лет, а традиции в армии настолько живучи, что могут даже эту самую армию запросто пережить.

– Это, Василий Степанович, позывные. Положено так.

– Понятно, – успокоился дядька. – Мне тут Ленька сказал, что вы хотите на нашу деревеньку взглянуть. И вроде как всякие особенности вас не сильно волнуют. Правильно я его понял? Кстати, зовите меня просто Степаныч, все так зовут, я уж и отвык от величания Василий Степанович, да ещё на «вы».

– Без проблем, Степаныч. – Это уже Якут, ему проще общаться с такими вот «дядьками», и опыт больше, и по возрасту они ближе. – Если ты про мутации, то не парься. У нас на это внимания давно уже не обращают: людей не жрёшь, по-русски разговариваешь, так хоть хвост себе отрасти, хоть рога, все равно человек. Так что давай приглашай в свою деревню, не бойся. Посидим, поговорим, вы нам про местные расклады расскажете, мы вам про то, что в мире творится. Может, ещё чем друг другу поможем, по-человечески, так сказать.

– Ну ладно, гости дорогие, уболтали. Пошли, что ли. И бойцов своих можете всех из леса забрать, если кто чужой забредёт, мы всяко о них первыми узнаем. У меня таких, как Ленька, дюжина по окрестностям шныряет.

– Годится, хозяин. Только один из наших из леса с другой стороны деревни выйдет, вы его не подстрелите случайно.

Действительно, на фига Чижику круги нарезать, ему от его лёжки до деревни двести метров.

– Ай молодцы! Выследили, значит, моего пострелёнка? И ведь часовые никого не заметили, и ловушки не сработали! Молодцы, уважаю. – Видимо, до дядьки дошло, что мы могли в его деревеньку зайти безо всяких переговоров, но не стали этого делать. Значит, верить нам можно, хоть и не на все сто.

– Есть у нас специалисты, есть. А вот у тебя, Степаныч, есть банька? А то мы пятый день в дороге, уже думали у какой-нибудь речушки привал устроить, помыться, пока не завшивели, – тут сержант слегка сгустил краски, в наших комбинезонах можно хоть месяц ходить не снимая, подкладка сама тебя чистит. Но помыться в баньке и правда не мешает. Да и просто поесть нормально и отдохнуть по-человечески.

– Дак как же в деревне без баньки-то? Есть, как не быть, и венички есть, берёзовые и дубовые, и кваску на леднике запасено, все по уму, нечто я не понимаю, что с походу банька первое дело. Сейчас в деревню придём, скажу, чтобы начинали топить, а мы покамест перекусим слегка. На голодный желудок париться-то не след. А уж опосля баньки можно и крепенькой принять да и поужинать тоже. – Увидев, что я без энтузиазма отнёсся к идее выпивки,

Степаныч сразу поправился: – Да ты, лейтенант, не думай, никто вас спаивать не собирается, я что, не понимаю – служба, Устав, все дела. А сто грамм после бани – это святое. Да и самогон мы просто так не хлещем, а вот настоячку на травках-корешках очен-но, знаешь, уважаем. Ежели в меру да с умом – сплошная польза для организма-то.

За такими приятными разговорами мы и дошли до деревни. А деревенька, надо сказать, оказалась очень неплохой. Две улицы, протянувшиеся вдоль ручья, были застроены крепкими бревенчатыми домами. Судя по цвету брёвен – дубовыми. На окнах ставни, тоже из дубовых досок сантиметров в десять толщиной. Такую доску и из автомата не больно пробьёшь, не то что из дробовика, а морёный дуб ещё и не горит почти. Вокруг домов крепкие заборы чуть ниже человеческого роста. Сами улицы и переулки между ними отсыпаны щебнем, все сделано как-то добротно, что ли. С душой, для себя и надолго.

Но больше всего мне понравилась система обороны. С трёх сторон деревня была окружена частоколом из брёвен с четырьмя вышками. И частокол и вышки были сделаны из того же дуба, видимо, дальше нам предстоит идти по дубовому лесу. Сами вышки снаружи дополнительно обшиты железом, а частокол сверху опутан чем-то вроде лианы со здоровенными шипами, такой природный аналог колючей проволоки. А на улицах разложены кучи здоровенных камней, причём так, что телега зигзагом проедет без проблем, а вот технике вроде БТР придётся помучиться. К тому же эти кучи можно использовать как баррикады. В общем, молодцы деревенские, постарались.

– Слушай, Степаныч, а кто оборону строил? Смотрю, серьёзно сделано и с умом.

– Так я и строил с Михеем на пару. Михай-то был целый капитан инженерных войск, жаль прошлый год медведь его задрал. Говорил дураку: «Ну куда ты, старый, в лес в одно рыло попёрся?», так нет, его разве переупрямишь, ежевики свежей ему захотелось, блин. А против медведя автомат-то не лучшее оружие. Так и сгинул, царствие небесное.

– А сам-то ты? Тоже, говоришь, участие принимал?

– Так я-то простой сержант запаса, мотострелок... Мужиков деревенских стрелять учил, караульную службу налаживал. В первые годы тяжко было, и деревню строили, здесь ведь ничего не было, почти пешком пришли из старой деревни. Плешь там образовалась ядовитая, народ болеть начал, помирать. Пришлось новое место искать. Сам то я с этой деревни, а Михей к другу – Кольке Лыкову, Ленкиному отцу, на охоту приехал. Вот ведь как получилось – приехал на неделю, а остался на всю жизнь. По первости домой рвался, жена у него там осталась, да только не пройти тогда на запад было никак – и плеши, и радиация, и банды всякие. Крайний раз вернулся еле живой, одиннадцать осколков из него выковыряли и две пули. А опосля уже муты попёрли, пришлось всем хотелки в жопу засунуть и воевать. Муты ведь пленных-то не берут, попался – в котёл, и все дела. Но отбились, хорошо тогда у нас ещё крупняк был, подорвался тут недалеко старенький бэтээр с двумя парнями, парни наглушняк, а пулемёт мы сняли и на вышку приспособили. Да только патронов было меньше тысячи, да и ствола сменного тоже не было. Так что как ни экономили, а все одно кончился наш крупняк. Слава богу, последние годы поспокойней стало, без проблем отбиваемся. Да что-то я с вами тут заболтался, давайте перекусим, чем бог послал, а через полчаса и банька подоспеет. Баня у нас одна на деревню, зато большая – зараза дюжина душ помещается. Так что делитесь пополам, как говорится, на первый-второй рассчитайся, – блеснул армейскими познаниями Степаныч, – и в баньку. А бабы пока на стол соберут. Вы уж не обессудьте, но рассказывать вам придётся много, мы ж, почитай, с самой Войны посторонних людей не видали. И, командир, можно тебя на минутку? – как-то смущённо мотнул головой в сторону Степаныч.

– Ну, говори.

Мы отошли к дому и присели на скамеечку.

– Тут дело такое, товарищ лейтенант, – дядька, видно, не мог подобрать слов, даже «товарищем лейтенантом» меня поименовал. Помялся, потом махнул рукой и решительно продол-

жил: – Короче, командир, мы тут с самой Войны в своём соку варимся, так что если к твоим солдатам наши бабы начнут клинья подбивать, так мы не против. Кровь-то свежая нужна, а то выродимся тут, как фараоны сраные. Кто из мужиков против, те своим бабам сами растолкуют. В общем, с нашей стороны кипеша не будет. Точно говорю. А детишек, что народятся, воспитаем как своих, богом клянусь. А если тебе для спокойствия нужно посты выставить или там дорогу заминировать, так делай что надо. Своим я настрого предупредил, чтобы к часовым и близко не подходили, а ты уж, если минировать будете, покажи, куда не соваться. Как, идёт? – И смотрит с надеждой. Умный мужик, не зря он тут за главного, есть у деревни будущее. Если, конечно, чего серьёзного не случится, тьфу-тьфу-тьфу через левое плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.